

**Игорь
Белисов**

Скорпионья сага

АМКА

КОРПИОНА

Вы можете начать с любого конца...

Игорь Белисов

**Скорпионья сага.
Самка скорпиона**

«Э.РА»

2015

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

Белисов И.

Скорпионья сага. Самка скорпиона / И. Белисов — «Э.РА», 2015

ISBN 978-5-000391-81-5

[Игорь Белисов](#), автор шокового «Хохота в пустоте», продолжает исследовать вечную драму человеческой жизни. И как всегда, в центре конфликта – мужчина и женщина. «Самка скорпиона» – это женщина глазами мужчины. По убеждению автора, необозримая сложность отношений между полами сводится всего к трем ключевым ипостасям: Любовь, Деньги, Власть. Через судьбы героев, иронически низводимых до примитивных членистоногих, через существование, пронизанное духом абсурда, он рассказывает о трагедии великой страны и восходит к философскому осмыслению мироздания, навсегда разделенного природою надвое.

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-000391-81-5

© Белисов И., 2015
© Э.РА, 2015

Содержание

Слова	6
1	6
2	11
3	14
4	17
5	22
6	26
7	29
8	36
9	39
10	42
11	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Игорь Белисов

Скорпионья сага. Самка скорпиона

© Белисов И. 2015

* * *

*И нашел я, что горше смерти женщина,
потому что она – сеть, и сердце ее – силки,
руки ее – оковы; добрый пред Богом
спасется от нее, а грешник уловлен будет ею.*

Екклезиаст 7:26

Обстоятельства книги имеют к автору столь же малое отношение, что и Природа к зем-
лепашцу.

Слова

1

Все это не должно было случиться.

Я терял ее, едва обретя.

Думаю, лучше бы наши пути не пересекались. Тем более что как-то сразу не задалось. Нет, в самом деле, какова вероятность встретиться двум людям в многомиллионном городе? Ничтожно мала. Пренебрежительно. И все же, такое бывает. Не я первый, не я последний. Законное утешение.

Но почему именно я?

Если называть вещи своими именами, она надо мною попросту издевалась. Не без колкого ядовитого юмора. Это у них в крови. Обобщение достоверное, я-то знаю, о чем говорю. Но знание общего не облегчает мучений частного. Ведь она для меня – единственная. На всем белом свете. Всегда.

Вертихвостка...

Наше свидание назначила она сама.

Выбрала место: у главного входа в Парк Культуры. Я предлагал ей встретиться напротив зоопарка, потому что мне так удобней. Не согласилась. Сказала, далеко. До Парка Культуры ей по прямой, а до меня – делать крюк. Не такой уж и крюк, на мой взгляд, так, закорючка. Не стал спорить, будто знал: конфликт с женщиной – дело гиблое. Знал, хотя опыта не имел никакого. Если откровенно, то я был девственник. И даже не подозревал – насколько.

Странная она. Зимой аттракционы закрыты. Ледяной ветер с реки. И зачем ей этот культурный парк? Может, ей кажется романтичным бродить по дорожкам среди кряжистых черных деревьев? Или может, захочет пройтись по Кольцу?

Первое лучше. Для меня, меланхолика, сплести слова в нить неспешной беседы – привычное дело и хороший шанс преуспеть. А вот дефиле вдоль шикарных витрин грозит обернуться конфузом. Я никогда не водил девушек в рестораны. И даже в самые простенькие кафе. У меня и девушки-то раньше не было. А главное – денег. На цветочки едва наскреб.

Прибыл заранее, боясь опоздать. Вроде, успел. Застал все таким, как и полагал – и аттракционы, и ветер. Пустое пространство, вымороженное, обесцвеченное, лишь кое-где пестрило прохожими. Слякоть недавней оттепели прихватило ледком. Вяло мела поземка.

Шмыгая носом и шелестя целлофаном, я прохаживался вдоль колоннады входа. Хмурая контролерша на меня косилась. Я то и дело косился на циферблат. Часы торчали на фонарном столбе, но я вдобавок заглядывал под рукав. И мои собственные, и фонарные неторопливо ползли. Перевалив назначенный час, двинулись дальше. Пять минут, десять, четверть часа. Я вытягивал шею. Девушки не видать... Двадцать, двадцать пять, полчаса. Цветы заиндевели. Она не спешила... Тридцать пять, сорок, сорок пять, без десяти, без пяти – круглый час дурацкого ожидания!

Я плотно запахнул воротник. Стал постукивать нога об ногу. Зажал в зубах, уж не помню которую, сигарету.

А она все не шла.

Кому-то моя история покажется смешной. Я сам, бывало, нет-нет, да и похихикивал. Чаще – над другими. Потом научился над собой. Но я опоздал – опоздал понимать смешное. А значит, опоздал спинным мозгом предчувствовать невидимое приближение катастрофы.

Всем известно, что смех – это лекарство. Но мало кто помнит: всякое лекарство суть яд. Привыкая к лечебной ядовитости, мы временно глушим боль, однако же не делаемся здоровее. Поддерживаем себя искусственно, прикидываясь естественными, умение лгать называем умением жить, почти искренне верим в остроумную свою бодрость, хотя большую часть времени проводим в тупом и усталом сне.

Вот только природа не прощает заигрываний с ядом. Чувство юмора природе неведомо.

Это становится ясно, когда ты вдруг просыпаешься. Годы спустя осознанно открываешь глаза. И видишь, как шатко у тебя ногами.

И чувствуешь: шею обвила петля.

Главное в этот миг – не дернуться... Никаких резких движений... Осторожно заводим в петлю пальцы рук... Берем в свои руки остаток жизни... Теперь все зависит от решения. Его необходимо принять. Но чтобы решение не оказалось ошибочным, следует понять, почему ты здесь и в таком положении. Еще раз переосмыслить судьбу. Перелистать, страница за страницей. Дойти до самого конца.

Вспомнить, с чего все началось.

Мы познакомились с ней в дороге.

Был февраль 1990-го. Вообще-то ни в какое путешествие я не собирался. На авантюру меня подбил Кеша. С подачи Андрона. Оба – мои однокашники. Мало того – друзья.

Андрон был всегда деловым. Помимо учебы на биофаке, занимал должность в университетском профкоме, и пока все лоботрясничали, делал карьеру. В то время слово «карьера» считалось ругательным. Участие в «номенклатуре» также не вызывало симпатий. Андрона, впрочем, уважали как человека серьезного и ценили за возможность добыть через профком какой-нибудь дефицит.

Он-то и предложил путевки.

Кеша зажегся, будучи личностью энергоизбыточной. К примеру, учился он с безответственностью кандидата на вылет, но как ни странно, в последний момент все «хвосты» сдавал. Его цепкого ума хватило бы на самый красный диплом, но Кеша не усердствовал, предпочитая жить, а не готовиться к жизни. Вокруг него всегда сиял ореол разных событий, пульсировало деятельное безделье, и он легко воспламенялся от малейшей искры возможного приключения, вовлекая в пожар ближайшее окружение.

В тот раз подвернулся я.

Путевки было две. Андрон не претендовал. Впереди простирались очередные зимние каникулы. За годы студенческой жизни я не видал ничего, кроме города детства. Кеша пылал. Я почесал затылок и согласился.

Речь шла о туристическом поезде, его маршрут пролегал по наиболее европейской части нашей страны. Предстояло ознакомление с интересными городами, но главное – с прибалтийскими столицами. Для молодого человека, выросшего в Советском Союзе, это было весьма заманчивым: Холодная война, воздвигнув «железный занавес», болезненно обострила интерес к загранице. Несколько лет уже гремели «перестройка» и «гласность». В эфире телемостов СССР и США взхлеб лобзались. Год, как рухнула Берлинская стена. Группа SCORPIONS выпустила хит «Wind Of Change». Но для нас, простых советских студентов, ветер перемен гулял лишь в фантазии, увидеть мир возможности не было, Запад оставался радужной грезой. Прибалтика же, хоть и считалась советской, по обрывочным сведениям допускала некие вольности, и в первом приближении рисовала в голодных умах образ того самого, запретного Запада.

Кстати, о вольностях: именно в то переломное время супруга первого в истории СССР президента заявила о себе как Первая Леди. Этому знаку никто не придал большого значения. Лично я осознал его суть много позже.

Мелькнула зимняя сессия, вжикнула молнией дорожная сумка – и вот я в купе, а за окном тронулся и поплыл перрон.

Я не подозревал, что, отправляясь знакомиться с моей великой страной, я начинаю с ней потихоньку прощаться.

Я увидел ее на первой же остановке.

Дело было в Новгороде – новом городе моего первого дня.

Ночь накануне прошла в разговорах. Нашими попутчиками оказались двое угрюмых парней, чью угрюмость Кеша быстренько просветлил, жестом факира явив нам бутылку водки. Утром – загрузка в колонну автобусов, попутный сон на фоне мутных пейзажей. Новгородский кремль, такой же краснокирпичный, как главный, державный, оказался приземистей и коренастей. И куда больше соответствовал значению слова: «кремль» означает «крепость». Еще был действующий монастырь, там-сям разбросанные церквушки. Я зевал во весь рот, мечтая о сне.

И тут возникла она.

Она вошла в вагон-ресторан, когда мы с Кешей обедали, изнуренные программой и слегка ободренные пивом. Их было двое, она и еще девица.

Я увидел только ее.

– Смотри, какая... – Кеша толкнул меня в бок.

Ее глаза были цвета зимнего неба, с блеском и бесконечностью глубины. Они вбирали весь мир, неразборчиво, вскользь, любопытствуя, без особого интереса к чему и кому бы то ни было, и в какой-то момент внезапно остановились. На мне. Я аж поперхнулся, забрызгался пивом. Она отвернулась.

На следующий день приехали в Псков. И снова кремль, серого камня, под конусами суровых сторожевых башен. И снова монастырь, группа церквей в окружении каменных стен. Больше в том городе я ничего не запомнил. Почему-то подумалось: история сохраняет исключительно крепости. Одни защищают от врагов физических, другие же – от духовных. А все, что за пределами крепостной неприступной стены, рано или поздно рассыпается в прах.

Мы шли над рекой. Летел ветреный мокрый снег. Она ежилась. В ее глазах отражалась зябкость хмурого дня. По бесшабашной манере юности на ней не было головного убора. Подняв воротник, тщетно пыталась спрятаться.

– Что, замерзла, бедняжка?

Молча кивнула. Мне ее стало жаль. Стащив свой длиннющий шарф, я замотал и укутал ее по самый нос. Она не противилась. Я снова подумал: надо же, вот ведь бедняжка. Ветер лизал мое горло, но на душе почему-то разлилось тепло.

Нас стало четверо. Повеселело. Кеша кадрился с обеими. Ее подруга не без кокетства звалась Анютой. Я же мою геройски спасенную от напрасного прозябания как окрестил Бедняжкой, так по-другому уже и не мыслил звать.

Вечером они переселились в наше купе.

Той же ночью, в грохочущем дымном тамбуре, Кеша сказал:

– А она – девочка ничего. Я б ее трахнул.

– Не тронь ее, понял?

– Да ладно. Напрягся. И пошутить-то нельзя...

В Ленинграде она взяла меня за руку. В Таллинне испугалась, что я куда-то исчез. В Риге зашла в парикмахерскую, и долго затем пыталась, нравится ли мне ее новая стрижка с укладкой. Каунас, Вильнюс, Кенигсберг – замельтешило в глазах. Шпили, башни, черепица, мостовая – сказочные декорации. Помню все и конкретного ничего. Мир превращался в расплывчатый фон.

Последним пунктом был город Брест. Еще одна крепость, стоявшая, как известно, насмерть. Крепостями мы насытились по самое горло, исторические камни вызывали несварение впечатлений, совсем иной голод начинал нас посасывать. Отправив Кешу с Анютой, мы остались в купе – я и она.

Неподвижные... жалкие... нежные... влажные... жгучие, жадные – губы женщины, я их тронул, и мы начали целоваться. Поезд дрогнул, покатил, на стыках постукивая. Мы всполошились. Нас отогнали в тупик. Впереди был весь день.

Когда дошло до самого важного, она сжалась и пресекла. Я не настаивал. Все было и так хорошо. Чудесно. И страшно. Я осторожно ее исследовал, пробуя на ощупь, на запах, на вкус. Она восхитительно распалась, смущаясь. Время от времени я откидывался передохнуть, но она тут же меня к себе вновь притягивала. В ней томилась беспощадная требовательность. В тот раз, впрочем, так и не раскрепощенная.

Остаток пути пролежала на верхней полке за чтением. Я видел название на обложке – «Звезды судьбы». В конце концов, я поинтересовался, о чем эта книга.

– Об астральной связи между людьми, – бросила она, продолжая читать.

Стартовав путешествовать в направлении севера, очертя головокругительный круг против часовой стрелки, поезд возвращался теперь с запада. В этом был ненарочный символ. Как нельзя два раза войти в одну воду, так и два раза не ступить на один перрон. Я возвращался в привычную жизнь, где все теперь по-другому, ибо в этой жизни отныне существует *она*.

Морозным утром прощались на людном вокзале. Странно было расставаться, оставаясь в городе, где нам судьба пребывать вдвоем. Кеша расшаркивался, благодарил девушек за компанию. Анюта цвела. Бедняжка улыбалась, избегая задерживать взгляд на мне.

Ну зачем что-то выжимать, из ничтожнейшей ситуации, – ну студенты, ну прокатились, ну познакомились. Ничего ведь, в сущности, между нами не было. Надо прощаться.

В метро я сунул ей клочок бумажки. Мой телефон.

Я знал, она учится в каком-то мединституте, в одном из трех, живет общежитии, другой мир, пропасть. Но все-таки ждал.

Она позвонила.

И вот, спустя пару дней после вероятного расставания, а значит, шанса в скором времени обрести покой, я тщательно вымылся, выбрился, оделся в самое лучшее, купил, идиот, цветы и направился к Парку культуры.

Она не пришла.

Я вернулся домой мрачен и зол. Какого черта я повелся на эту игру. Взбалмошная девчонка, случайная, совершенно ненужная. Да их – миллионы таких!

Чтобы успокоиться решил почитать. Любовь к книге в меня заложила мама. В университете, где я учился, она работала библиотекарем, и у нас дома была неплохая подборка литературы. Глубокомысленного и драматического не хотелось. Требовалось что-нибудь отвлеченное.

Тут-то я и вспомнил об одной книге, которая давно уже меня дождалась.

Эту книгу подарил мне отец по случаю моего совершеннолетия. Автор – некто Лебовис. Название – «Скорпионы вокруг нас». Отец, доктор наук, профессиональный биолог, пытался привить мне интерес к тайнам природы. Но поначалу я не увлекся дальше вялого любопытства, и его подарок зря пылился нетронут.

Я раскрыл...

Скорпионы – древнейший отряд наземных членистоногих. Нашу планету они населяют в течение 350 миллионов лет. За это время они практически не изменились, оставаясь наиболее примитивными паукообразными.

В настоящее время ученые идентифицировали более 1 500 разновидностей скорпионов, и считается, что около 1 000 все еще неоткрыты.

Распространены скорпионы практически повсеместно. Ареал обитания опоясывает земной шар между 50° северной и южной широт. Их можно встретить и в пещерах глубиной до 800 метров, и в горах на высоте до 5 000.

Как правило, скорпионы живут под камнями, под древесной корой или в подземных норах. Однако бывает, выползают к дорогам, забираются в брошенные предметы, а нередко облюбовывают для жилища постройки людей, хотя подлинных синантропов (сожителей человека) среди скорпионов нет.

Захлопнул книгу. Совсем не читалось. Какие-то дурацкие скорпионы. Себя не обманешь. Я думал о ней.

Она славная. Красивая. Умная. Чистая. Такой, как она, я больше не встречу. Не пришла, значит, не захотела. Я ей не нужен. Поразмыслила и поняла.

Не помню, сколько я пролежал, уставившись в потолок. День погружался в сумерки. Время исчезло. Остановилась жизнь.

В какой-то момент мне стало невыносимо в этой квартире, в этом уюте, в привычном мирке моего от рождения до сего дня благоденствия, безмятежного, скучного, тусклого, угрюмого, как нора, вдруг обнажившая пустоту и бессмысленность.

Я оделся и вышел бродить.

Падал снег. Большими пушистыми хлопьями. Я вдыхал его влажную свежесть. Идти было, в сущности, некуда. Перетаптываясь у подъезда, я сонно щурился.

Кажется, сплю.

Это первое, что подумалось, когда посреди моего двора, где всякий предмет занимал утвержденное памятью место, и всякий прохожий был таким же обычным предметом, я увидел грезу, в реальности невозможную, никогда.

Я увидел ее.

Она стояла, и большие пушистые хлопья оседали на непокрытую голову. Смахнула с лица тяжелую влажную прядь. Протерла лицо ладонью. Остановила глаза, вглядываясь с недоверием.

Она вглядывалась в меня.

Я инстинктивно подался вперед. Она – мне навстречу. Мы остановились на расстоянии пары шагов.

Она, никакого сомнения. И все же, однако... Я нервно вытряхнул сигарету, закурил.

Позже выяснится, что Бедняжка чуть опоздала, и мы разминулись на какие-то мизерные пять минут. Это будет позже, когда нас прорвет, и хлынут эмоции, и слова, и она расскажет, как случайно меня нашла. А пока...

Падал снег. Ее глаза бессловесно сияли. Она улыбнулась.

А еще говорят, будто чудес не бывает.

2

Самое важное случилось в апреле.

Конец зимы и начало весны мы изредка с ней встречались с неровной периодичностью неопасной дружбы. Ходили в кино, а чаще просто гуляли, болтая о разном и несущественном. Я не форсировал.

В апреле она пригласила меня к себе.

По правде говоря, я давно этого ждал. Не конкретного приглашения – шанса. И вот, кажется, шанс вплотную приблизился. Юноша из приличной семьи, я был воспитан, начитан, однако в интимном развитии, казалось, подзадержался. Еще школярами мои сверстники – если верить им на слово – всю бороздили лихое море порока. Я же, студент, лелеял фантазии, да мечтал.

Далее поцелуя живая женщина была мне неведома.

Приглашение, хоть и выглядело как будто невинным, не оставляло сомнений в том, что мне придется свершить. По меньшей мере, предпринять попытку. Во всяком случае, проявить инициативу. Я предвкушал.

Скажем прямо: я нервничал.

В отношениях полов таилась некая двойственность, а значит обман. Не загадка, а именно надувательство. Я не знал, в чем конкретно меня обманывают, только чувствовал: все не совсем так, как мне преподносится.

С одной стороны, знакомые парни скабрёзно зубоскалили, бахвалясь победами над презренными бабами. С другой, в силу неясных роковых обстоятельств, парни скоро женились и впредь помалкивали. С одной, еще в подростковой моей компании мелькали западные журналы с не требующими перевода откровенными фото. С другой, недавний телемост СССР – США огласил: «В Советском Союзе секса нет!» – но почему так грохнула смехом аудитория?

Этот смех, эта внешняя незатейливость на фоне мутной, недоговоренной правды тормозили во мне нервирующие сомнения все более мрачного тона. Если у всех все настолько легко и весело, а я не нахожу в себе должной беспечности, то, возможно, я какой-то неполноценный?

Сомнения сползали все ниже, к паху.

Доступная литература по анатомии и физиологии милосердно включала меня в пределы нормы. Однако источники чуть менее академичные уже заставляли взглянуть в пах критически. Даже самые высокохудожественные кинокартины и книги рисовали героя без тени мужских рефлексий. Что же говорить о произведениях порнографии, распространявшихся со скоростью эпидемии, где крутые быки лихо вспарывали гибких телочек, эпатуруя зрителя ракурсами и размерами.

Мозаика впечатлений постепенно обретала цельность, и картина вырисовывалась не в мою пользу. По всему выходило, «настоящий мужик» должен быть свирепым титаном с устрашающей булавой для совокупления, а быть человеком мужского пола с тонкой душой и скромным телом, каким создала тебя природа – позорно.

Накануне события, чтобы отвлечься, решил почитать. Взял с полки ту самую книгу...

Размеры скорпионов переменчивы. Большинство видов находятся в пределах от 5 до 10 см. Самый маленький скорпион (*Microbothus pusillus*) имеет длину всего 13 мм.

Самый крупный в мире – Гигантский скорпион (*Pandinus cavimanus*), живущий в Северной Африке. Его размер – 25 см. В коллекции ученых также имеются останки ископаемых особей размером до 40 см!

Чуть меньше – скорпион императорский (*Pandinus imperator*), обитатель лесов Экваториальной Гвинеи. Он достигает более 20 см, а однажды был найден экземпляр длиной 29 см. Немногим уступают скорпион-омар (*Heterometrus*), родом из Шри-Ланки, и троглодиты (*Nadogenes*) из Южной Африки – до 20 см.

Что любопытно, все эти гиганты жалят неохотно, а их яд относительно безопасен.

Куда активней коротышка (*Androctonus australis*), чей яд по силе равен яду кобры. Самые опасные – палестинец (*Leiurus quinquestriatus*) и его близкий родственник – скорпион тунисский. На их счету 90 % всех летальных исходов.

Тенденция такова: чем скорпион мельче, тем он ядовитей.

Прочитанное слегка успокоило. Своих детей природа вооружила по-разному, и на круг¹ для выживания вида размер не имеет значения.

С этой оптимистической мыслью я уснул.

Она училась на фармфаке мединститута. Ее общежитие, многоэтажка с вывешенной за окна провизией, казалось, пялится всем неприветливым серым фасадом, когда мы приближались с ней, взявшись за руки.

У подъезда курили аборигены. Мне снова почудилось, будто все разом на нас уставились. Дежурный малый на вахте ехидно полюбопытствовал, она предъявила свой пропуск и бросила «это со мной». Я вспотел.

В лифт набилось сверх меры попутчиков. Мои шампанское и теснимый торт вызвали состязание в шутках. Коридор, череда обшарпанных, изнасилованных дверей. Смерд общей кухни. Вонь мусоропровода.

Анюта – я впервые разглядел ее подругу и соседку по комнате – с торжественностью дожидалась нас дома. Если можно назвать домом убогонькое помещенье с парой казенных кроватей, тумбочек, стульев и одним столом. Я вынужденно изучал Анюту. Та все более мне не нравилась, однако с удовольствием уплетала торт и посасывала шампанское. Анюта встречно меня анатомировала своими очами в лучиках озорства, пока я нес всякую ахию... И вдруг исчезла.

Я оказался наедине, над полусъеденным и полностью выпитым. Наедине с моим липким кошмаром. Шампанского, в общем, не жаль, но я был трезв, незамутнен, оставлен без наркоза пред очевидной пошлостью дальнейшего.

Заперла дверь. Прошла по комнате. Села напротив, через стол. Бледные, тонкие руки, сметающие крошки. Поправила посуду, создавая некую упорядоченность.

Наконец, подняла глаза.

Бедняжка, ей тоже было не по себе. Я это видел, чувствовал, но не знал, что сказать. Чем разрядить эту плотную, жаркую, удушливую тишину с гулом города и сквозняком приоткрытой фрамуги.

Я встал и двинулся. Каждый шаг звучал громом. Обойдя стол, опустился на корточки. Взял ее руки, холодные, влажные. Она не пошевелилась.

Я остро пожалел, что сюда пришел.

Она вдруг высвободилась – и обвилась вокруг моей шеи. потянулась губами, начали целоваться, слепо тыкаться, упруго, все более мокро, вкус и запах, головокружение, грохнул стул, рухнули на кровать, скрип и шорох, зной дыхания, пламя тела, лифчик, крючки, такие цепкие, глупый узор, пуговка, молния, как же все туго, резинка, еще резинка, ну наконец-то, послед-

¹ На круг – здесь: в итоге, в результате, по завершении цикла событий. Ср. просто-реч. «На круг то на то и выходит». *Прим. ред.*

нее, гладкое, вот, ну вот и все, ну вот и ты, а вот и я, да, это я, ну вот и я, такой вот я, твой страстный я... Ну что же я?..

Я скатился и вытянулся, обливаясь потом кошмара. Знал, знал, что так выйдет – и оно ведь случилось! Приперся. Герой. Корчил уверенность, опытность. Ничего не получилось, у меня. Я не смог.

– Ты в первый раз, – спросила она, – в постели, с женщиной?..

– Да...

– И у меня никого не было...

– Прости...

Самое лучшее было сейчас умереть. Но, к сожалению, впереди маячила целая жизнь. Как с этим жить? Я не мог представить даже следующей минуты. Как я встану, начну одеваться, заговорю, посмотрю ей в глаза?

Она повернулась и прошептала:

– Давай, просто прижмемся...

Я подчинился. С равнодушием раздавленной личности. Ничего не чувствовал. Только позор. Полная анестезия достоинства. За окном витала обычная жизнь. Голоса людей. Урчанье автобуса. Посвист птиц, мотающих круги в небе новой весны. Беспроблемность, такая близкая – и недоступная.

Я забылся. Просто дышал. Слушал стук сердца. Двух сердец. Ее сердце стучало, кажется, несколько чаще. Двое детей, на изломе взросления, над бездной самого важного в жизни события, мы лежали, прижавшись телами. И вдруг я почувствовал. Я почувствовал... нежность.

Нежность текла сквозь нас, словно чудесный таинственный ток, убаюкивающий, парализующий мысли, и одновременно электризирующий напряжение жизни между двумя разнополюсными полюсами. В нежности были искренность и доверие, и раскрытие, и слияние, и приятие человека таким, как он есть. В ней были естественность и абсолютная взаимность нашего единения. Страх исчез. Мы сплелись.

Я почувствовал: все получится...

Утром я признался ей в любви.

Слово вырвалось помимо воли, будто и невзначай. Но едва я его упустил, тут же понял: это правда, и никак иначе мою правду не назовешь.

Наши встречи, озаренные отныне любовью, обрели ясный смысл и осознанную регулярность. Бедняжка изыскивала малейшую щель в графике жизни и сломя голову неслась на свидание. Встретившись, ехали к ней. Щелей оставалось все меньше. Надо сказать, мне нравилась эта тенденция: чем плотнее и чаще пересекалась наша взаимность, тем уверенней и сильнее у меня получалось быть настоящим мужчиной.

Общежитие уже не казалась юдолью убожества, для меня превратившись в обитель уюта. Я полюбил эту простенькую обстановку, общую кухню, запахи коридора, шумы за стенкой, узор казенного покрывала. Мы подолгу с ней разговаривали, о самых разных вещах, неожиданно и глубоко интересных для нас двоих. Всякий раз распахнув свою душу, я подолгу не мог запахнуть, душа сочилась любовью, а любимая слушала да вздыхала.

Своих университетских приятелей я напрочь забросил. Андрон с Кешей посмеивались: «Нас на бабу променял». Я и смущался, и гордился, и обещал как-нибудь примкнуть, да только знал: никто мне не нужен, кроме нее.

Счастье продлилось год.

3

На годовщину я решил подарить ей духи.

Мне было известно, что есть французские и есть «наши». Французские иногда «выбрасывали» в универмагах, но спекулянты их тут же скупали и продавали из-под полы, запрашивая денег, каких на глупости у меня не водилось. Я купил ей духи, имеющиеся в свободной продаже. «Красная Москва» назывался подарок.

В тот день мы встретились, как всегда, в центре. Поцеловались, немного прошлись и направились в сторону ближайшего входа в метро. Точнее, направился я. Чтобы поехать к ней.

А вот она моего устремления, кажется, не разделяла.

Остановилась и смотрела в неясную даль – на рябь людей, на потоки машин, на глыбы домов, на синее небо в разметанных перышках облаков, – на что угодно, только не на меня. Задумчиво шурилась, поджав губы.

– В чем дело?

– Ты не догадываешься?

– Сегодня годовщина нашей любви.

– Вот именно, – вздохнула она, – годовщина...

Ее настроение меня не обескуражило. Слегка ломался, правда, галантный мой план: вручить подарок наедине, в общежитии, предвкушая нежность. Но вот она надулась, и я подумал, не стоит тянуть.

– А смотри, что у меня есть... Это – тебе.

Она взяла протянутую коробочку. Прошептала «спасибо», даже не разглядев. Чуть улыбнулась, с запозданием, словно припомнив: надо бы улыбнуться, в знак благодарности или хотя бы из вежливости.

– Тебе не нравится?

– Ну что ты. Духи хорошие. Все хорошо.

Мне так не показалось. Я резко засомневался.

Она побрела в неопределенном направлении. Я удрученно поплелся следом. В ее молчании зрело что-то темное, тяжелое, тупиковое, наливая глаза трагическим блеском. Забормотала. Проясняя. Для меня, недогадливого... Вот уже год. Происходит «все это». Между нами... Общежитие. Регулярно. Она понимает, мне это удобно... Вдруг повернулась:

– Так дальше продолжаться не может, надо что-то решать!

Заплакала. Беззвучно и так незащитно. Меня пронзила щемящая жалость. Я осторожно взял ее хрупкие плечики, она вырвалась, отшатнулась – и тут же уткнулась мне в грудь, содрогаясь. Я поднял ее лицо, стал целовать соленые ручейки, размазывать и вытирать разводы туши по раскрасневшейся коже. Ветер трепал наши волосы. Город взвизгивал и шипел. Прохожие поглядывали с улыбчивым интересом.

Мне стало тошно от моего подарка. Она ждала совершенно иного. Вот уже год, как она моя. Хотел откупиться?

Неожиданно я осознал: существует некий закон. Нечто такое, что сильнее меня, и чему я не в силах противиться. Закон диктовал неизбежность серьезного шага с моей стороны. Это казалось естественным.

Но почему было так страшно?

Несколько дней меня грызли сомнения. Надо что-то решать, но я решиться не мог. Требовался сторонний знак, какой-то толчок. Мама, например, в таких случаях читала Библию и находила ответ. Хотя была атеисткой. Религия ни при чем, говорила она, просто есть книги, где сказано все обо всем.

С замиранием сердца я взял ту самую книгу...

Размножаются скорпионы половым путем. Первый контакт бывает чисто случайным. Коснувшись самки, самец перебирает клешнями, пока с нею не сцепится. Иногда в одну самку вцепляются несколько претендентов, которые агрессивно друг друга отталкивают.

Выбор партнера всегда делает самка, смиренно сомкнув и протянув счастливчику клешни. Тот берет ее своими клешнями и начинает водить взад-вперед, исполняя своеобразный танец ухаживания. Время от времени в этом танце они «целуются»: скрестив челюсти и круто задрав хвосты, приподнимаются над землей, при этом самец удерживает самку специальным отростком своего панциря.

Ухаживание длится от нескольких минут до нескольких дней. Завершение ритуала зависит от самца. На его брюшке имеются органы осязания, чувствительные ворсинки, которые скользят, «прощупывая почву». Остановившись, самец откладывает сперматофор (мешочек со спермой), а затем протаскивает над ним разморенную подругу. Сперматофор лопается, содержимое попадает в половое отверстие самки.

Именно самец определяет место, где это произойдет.

Смотрины прошли в целом успешно.

Моя избранница родителям приглянулась, судя по умиленью в прослезившихся их глазах. Мама мельтешила, подавая приборы и блюда. Отец в волнении окатил шампанским весь стол.

Смутила меня не родительская суетливость, а торжественная искусственность благословения: они вроде и рады, но будто чего-то недоговаривают. Я отмахнулся от навязчивого впечатления. Новый человек в доме, вынужденная дипломатия. Бедняжка онемела, сидела мраморной статуей.

А в мае сыграли свадьбу.

С нашей стороны была сплошь интеллигенция. Строгие костюмы, элегантные платья, тонкие улыбки. Все дружно нашли, что мы с ней – прекрасная пара, и чем-то неуловимо друг на друга похожи. Ее родичи оказались попроще. Они выделялись нарядностью и напыщенностью провинциалов, в привычной своей жизни напыщенности чуждых, но угодивших в общество, где нужно не ударить лицом в грязь. Только мои друзья и ее подружки держались без выпендрежа. Однако и они как-то странно вдруг отделились. Словно между нами легла трещина, вырастающая в широкую пропасть, разделившая мир на людей вольных – и жертву.

Едва началось, меня вновь обуяли сомнения. Карнавальная фальшь навалилась со всех сторон. В каждом тосте угадывалось лукавство, в каждом пожелании – мутный подвох. Один лишь плакат на стене – «Не вяжи веревками, а вяжи пеленками!» – уже внушал мне неотвязное чувство удушья. Что же говорить о бесчисленных воплях «горько!», все более пьяных, осата-нелых, ядовитых.

Складывалось впечатление, все эти взрослые люди знают правду, до поры до времени молодым неведомую и, вот так потешаясь над нашей наивностью, они изощренно мстят за свою грустную искушенность. Моя невеста, впрочем, выглядела счастливой, все ее забавляло, смешило, вызывало журчащий смех, и даже украденная туфля отразилась не раздражением, а любопытством: как жених одолеет дурацкое испытание?

Я понял окончательно, что за дурака держат именно жениха, когда разбили горшок и заставили подметать. Горшок был полон монет, они рассыпались, поблескивая, покатались. Ей выдали совок, мне, соответственно, веник. Мы предались традиции под всеобщий хохот.

До сих пор перед глазами стоит эта картина: разбитый горшок и деньги, которые я должен сметать в кучку.

Через месяц после издевательства отправились в свадебное путешествие. Маршрут выбирала она, с прицелом на юг и, однако, с фантазией. Я предлагал, как нормальные люди, махнуть, например, в Сочи. Ей показалось это банальным, она потащила меня в автобусный тур по Кавказу.

Поначалу мне затея ее приглянулась. Через несколько перевалов я начал подумывать, лучше было выбрать пляжную лень. Горы мне, в принципе, нравились – как застывший порыв вдохновенной природы; но, взятые в оборот цивилизованного туризма, навевали скуку, и постоянно хотелось спать. Бедняжку же напротив – томила моя созерцательность, ей требовалось движение, впечатления, перемены. В каждом пункте она куда-то меня затаскивала, где-то блуждала, на фоне чего-то фотографировалась, брала экскурсии, скупала сувениры. Деньги таяли. Да, пожалуй, и к лучшему: от ее активности я стал утомляться.

Ночевали на турбазах, каждый день разных и одинаково аскетичных. Но что нам за дело до соображений комфорта, когда пылает любовь. Любви было вдоволь, всласть, впрок и даже несколько сверх того. Так мне казалось. Пока в одну из ночей она не спросила:

– А ты можешь еще?

Я отшутился. Нет, она не смеялась. Я был пуст, но она ко мне лезла. Я начал доказывать: это нефизиологично, в природе такого нет, должен быть интервал, ну как тогда, когда мы встречались, один раз в неделю, от силы два...

– Слабак! – перебила она мой защитный лепет. – Есть мужчины, которые могут три раза за одну ночь.

Оказалось, еще в общезнании ей подружки рассказывали. И еще, она недавно читала в газете... Ну это уж враки, таких газет нет! Оказалось, есть. Она извлекла из шуршащего чемодана... Газета так и называлась – «Ещё!». По одним только фотографиям мне стало понятно, какого жанра сие издание. Читать не стал. Раз пишут, наверное, правда. Да и подружки... И, между прочим, дружки мои тоже, бывало, хвалились...

Словом, в ту ночь мне пришлось соответствовать. И не только в ту.

Я впервые задумался, насколько мы, в сущности, разные. Ей всего хотелось много больше, чем мне. Вообще – всего. Я начал догадываться, что при кажущейся внешней хрупкости, уровень энергии в ней куда выше, чем у меня. Ее энергия, активно требуя выхода, одновременно требовала и адекватной подпитки. Я почувствовал себя источником, который, игнорируя мои желания, а значит возможности, с обворожительной неуклонностью высасывают.

К концу путешествия Бедняжка моя заскучала. Я угрюмо молчал – так изнурился, что она и слова не могла из меня вытянуть.

Да и были ли у нас общие слова, кроме слова «любовь»? И даже это, несомненное слово – означало ли оно для нас порознь одно и то же?

4

Мы вернулись, и началась семейная жизнь.

А через пару дней все неожиданно усложнилось.

– Вы читаете эту книгу? – поинтересовалась моя мама, узрев оставленный невесткою томик.

– Я просто взяла полистать.

– Если не читаете, поставьте в стеллаж. В нашем доме не принято разбрасывать книги, где попало.

Этим бы и исчерпать ничтожный частный вопрос. Если б не уточнение:

– Я не разбрасываю, я положила на столик.

– Вы не поняли, в нашем доме существует порядок.

– Я поняла, но зачем повышать голос?

– Деточка, вас кто так учил разговаривать?

– А что такого особенного я сказала?

– Ну, знаете ли... Если так и дальше пойдет... Как-то вы неправильно начинаете...

Злосчастную книгу в стеллаж возвратил отец.

– Да что вы, девчата, из-за ерунды...

– Это не ерунда, – отрезала мама, – начинается с мелочей.

– Вечно ты все раздуваешь.

– А тебе вечно жаль молоденьких бестий.

– О господи, вспомнила...

– А у тебя, как видно, короткая память. Был профессором в университете, а стал чиновником в зоопарке.

В последних словах мелькнуло нечто темное, мутное, нехорошее, в отцовской биографии мне неизвестное. Я спросил:

– Что это за история, с университетом?

– Тебя это не касается, – бросила мама.

– Как не касается? Вы – мои родители.

– Для начала научи свою жену знать свое место!

Всю ночь я проворочался в полусне. За стенкой долго бурчала глухая ругань. Бедняжка лежала, впервые от меня отвернувшись. В атмосфере висел душный июль.

Я раньше не подозревал, что две женщины в доме – проблема. Каждая, конечно, права, и обе неправы. В маме-то всегда была нотка строгости, но ведь без самодурства. А моя возлюбленная казалась тихоней – и вдруг такой норов. Да еще отец. Намеки мамы, ввергающие мысли в домыслы. Не думал, что в родном доме буду чувствовать себя неуютно. Вот так живешь себе, живешь, привычный мир кажется вечным, а потом – бац! – все изменилось, и не к лучшему.

Под утро, в качестве снотворного, решил почитать. Раскрыл на случайной странице...

Скорпиона можно держать как домашнюю живность. До некоторой степени даже сделать ручным. Выращенный в неволе, он практически не ядовит, и, взяв за хвост, его забавно кормить с руки.

Увлекаться, однако, не стоит. Скорпион скорпиону – рознь. Молодые и природные особи проявляют агрессию, и нередко в руки любителя попадают экземпляры, чье жало всерьез представляет опасность.

Важно помнить: скорпионы – индивидуалисты, и симпатий к сородичам не питают. Если несколько скорпионов окажутся на одной территории, едва столкнувшись, они будут драться до смерти.

В начале августа родители уехали в отпуск на дачу.

Мы остались в квартире вдвоем. Новоиспеченная моя жена раскрепостилась, расслабилась, ходила по дому, вольготно потягиваясь. Начала осваивать кухню, потихонечку что-то стряпать, не очень съедобно, хотя с выдумкой и прилежностью. Я и сам почувствовал легкость, почти невесомость. Словно родители были земным тяготением, которое после свадьбы вдруг naroslo. Избавленный от опеки, я освободился от гнета. С новой силой хлынули чувства, сдерживаемые при старших, а теперь отпущенные порхать. Мы любили, жили в любви, занимались любовью, в любой час, в любой комнате, в любых изволениях.

Как-то раз обнаружилась неприятность. Я понял не сразу, что это неприятность, думал, так, несуразица. Полез в шкаф и обнаружил, что мои вещи разложены и развешены вовсе не так, было раньше, как я привык.

Оказалось, кое-кто всё перетасовала по-своему, ибо решила, так будет лучше.

Спорить не стал.

Через день-другой в кухонной тряпке, назначенной для мытья посуды, мне почудилась подозрительная расцветка.

Выяснилось, это моя рубашка, пущенная в расход, ибо кое-кто сочла вещь заношенной.

Опять же стерпел.

Но однажды на книжной полке в моей комнате, на самом красном, иконном месте, я не увидел чудесной книги о скорпионах, а вместо нее обнаружил дурацкие «Звезды судьбы».

Нет, книгу в макулатуру она не сдала. Пока не сдала. Если ей верить. Временно спрятала. Куда? Загадочная улыбка. Просто, ей, видите ли, стало обидно, что ее муж так много читает, и так мало себя уделяет непосредственно ей.

Я начал издали, деликатно. Намекнул, что у меня есть привычки... Уточнил, что не во всем с нею согласен... Наконец, разъяснил, что здесь существует давно, до нее заведенный, уклад, и не ей менять его...

– И вообще, кто в доме хозяин?!

Расплакалась. Дескать, она здесь бесправна, так я ее еще унижаю. Сидела и размазывала огорчение по щекам, вся раскрасневшись и остекленев. Бедняжка.

И опять мне стало ее жаль. Откуда только во мне этот инстинкт жалости? Я впервые тогда заподозрил, что жалость к ней – это безжалостность к себе. Но неужели я буду бороться с женщиной? Уступил.

В доме воцарилось шаткое двоевластие. На этом фоне любовь начала как-то меркнуть. Словно власть и любовь – взаимоисключающие явления, вроде оппозиции луны и солнца на небосводе. Так ли это? Ответ мне был неизвестен. Но я предчувствовал: равновесие не может быть вечным. Двое – уже иерархия. Один из двоих всегда энергичней, нетерпеливей. И значит, двое – это борьба, где любовь только повод, а конечная цель – утверждение власти.

Никакой борьбы, впрочем, пока не последовало. Тянулся мир, все более тихий, спокойный, дремотный. По мне так было нормально, да вот она заскучала, бродила по комнатам с унынием узницы. Музыка, телевизор, книги, я сам – всё это занимало ее ненадолго. Ей требовалось расширить границы нашего мира. Требовалось стороннее общение.

Я подумал, почему бы и нет. Созвонился с Кешей, с Андроном. Оба обрадовались. Я, кажется, тоже. Договорились встретиться в центре.

Выплеснувшись из метро, зашагали. Кеша искрил анекдотами. Андрон нет-нет, да и тоже вворачивал. Бедняжка цвела, улыбалась, с веселым интересом поглядывая на друзей и с лукавой упругостью сжимая мой локоть. Казалось, все то же, что до женитьбы – бесшабашная стайка студентов, легкий щебечет о радости бытия. Но нет: что-то изменилось, словно нас раз-

делило стекло, лабораторный колпак, накрывший молодоженов; мы видим друг друга, слышим, взаимно кривляемся, однако не забываем, кто наблюдатель, а кто – подопытный.

Мы решили пойти в ресторан – первый и совершенно новый в нашей жизни и в нашей стране. Он недавно открылся на месте известного в свое время кафе, чье время ушло. Ресторан назывался «Макдональдс».

Сейчас трудно поверить, что какой-то там жалкий Макдональдс стал культовым знаком иссякшей эпохи. Не совковая забегаловка общественного питания, но первый десант вождя капитализма. Всё, от фасада до интерьера, влекло нездешним дизайном, манило чуждой идеологией и будило слюнки по запретному плоду. Очередь войти внутрь змеилась на сотни метров и едва ли не на часы ожидания. Мы встали, вместе с другими, простоватыми, диковатыми, изголодавшимися по переменам, советскими. «Запад!» – восторгался Кеша, посверкивая глазами. «Демократия...» – внушительно добавлял Андрон.

Наконец, толкаясь локтями, плюхнулись к столику. Зашуршали, захрустели, разворачивая. Мы не просто пообедали, мы впивались в каждое новое слово: «гамбургер», «чизбургер», «биг мак», «картофель фри».

– Как все вкусно! – млела Бедняжка.

– Ничего... – кивнул я. – Но, по-моему, платить такие деньги за бутерброд – идиотизм.

– Это для *тебя* дорого, – ввернул Кеша, – а для граждан нормальных стран питаться в Макдональдсе – самое обычное дело.

– Нормальные, это какие же?

– Да хоть бы Штаты.

– Не парьтесь вы, – усмехнулся Андрон. – Бабки есть. *Я* плачу.

Все устали на Андрона. И тут же потупились. Кроме Бедняжки. Ходил слух, будто Андрон затеял в профкоме «бизнес». Было неприятно осознавать, что один из нас, студент-биологов, имеет иное от нас настоящее и, предположительно, более светлое будущее.

– А вы знаете, – сказал Кеша, – сколько в Штатах получает биолог?

– Сколько? – оживилась моя жена.

– Нормально получает, поверь... Каждый раскатывает на машине, живет в собственном доме и проводит отпуск то во Флориде, то в Калифорнии.

Все задумались. Машина... Собственный дом... Отпуск под немыслимым небом на немыслимом взморье... Подобного в нашем существовании не предвиделось. Об этом ворчали взрослые и орали новорожденные гласностью СМИ.

– Из этой страны нужно сваливать, – нахмурился Кеша. – Ничего хорошего здесь не будет. Совок есть совок.

– А я думаю, не надо дергаться, – возразил Андрон. – Начинается время великих возможностей.

– Ну, и кем ты здесь будешь, ученый-биолог? Нищим?

– Не обязательно быть ученым.

– А кем же?

– Мало ли кем...

– Нет, ты скажи. Ты такой умный... Кем ты будешь работать?

– Новым русским! – Андрон сочно расхохотался.

Мы вышли сытые, осоловело-ленивые. Погода изменилась – подзатынуло хмурью. Послеобеденный город казался странно притихшим, дремотным.

Центральная улица была почему-то пуста.

С проезжей части исчезли машины. Что за явление? Мы удивились: разве сегодня какой-нибудь праздник? По тротуарам брели люди, много людей, превращаясь в толпу, выходя на дорогу, рассыпаясь в смуту, в тревожный хаос.

Тут и загрохотало.

Издали, в сторону центра, вырастая в размере, сотрясая асфальт и плавая горячий воздух, напознала колонна грохочущей техники цвета хаки – «бэтээры», «бээмпэ», танки. Машины шли с расчехленными пушками. На броне сидели солдаты. В их лицах не было и намека праздник, а только бледная, мрачная собранность.

Толпа подалась параллельно колонне. Два потока, с этой и с той стороны дороги. Люди что-то кричали, – друг другу, солдатам, небу. Мы ничего не понимали, нас влекло заодно. Колонна вдруг грубо дернулась, качнув стволами, затормозила. Головная машина уперлась в преградивших дорогу людей. Их становилось все больше, безоружных, страстных, ожесточенных, яростных, они лезли на бронетехнику, размахивали руками, заклиная, клеймя военных. Опять взревело, задымило, залязгало. Я увидел башню, которая вращалась, поводя пушкой. Толпа шарахнулась, нас опрокинуло, я вскочил, поднял Бедняжку, Андрон помог, Кеша кому-то двинул, мы ринулись прочь.

– Я говорил, – орал Кеша, – нужно сваливать из этой страны! Будет война!

Мы побежали к метро...

Развитие событий смотрели уже по телевизору. Побросав свои грядки, родители пулей вернулись домой. Бедняжка и мама сидели бок о бок. Отец щелкал каналами:

– Вы что-нибудь понимаете? Я ничего не понимаю. Что происходит?

Бодрые репортеры захлеб объясняли «что происходит». Мелькали слова: «конец тоталитарного режима», «волна демократических настроений», «массовые демонстрации», «столкновения с войсками», «срыв подписания нового союзного договора», «государственный переворот», «гэ-ка-че-пэ», «путч»...

Их было восемь, во главе с маршалом, немолодых мужчин. В лице у каждого – смертельный риск взятой ответственности. Глаза старого маршала прятались под бровями, дрожали руки, садился голос, в глухом отчаянии мычали его слова: «В целях преодоления глубокого и всестороннего кризиса, политической, межнациональной и гражданской конфронтации, хаоса и анархии, которые угрожают жизни и безопасности граждан Советского Союза, суверенитету, территориальной целостности, свободе и независимости нашего Отечества...».

Возникло слово «Форос», доселе секретное. Муж первой в истории нашей страны Первой Леди, первый и последний Президент СССР, выглядел неожиданно оболваненным. Доброго мишку загнали в угол. Сквозь обиду мерцал страх. На Западе его любили, превозносили, но здесь и сейчас он был не в своей тарелке: мягкохарактерный, плюшевый дачник, неожиданно оказавшийся не у дел.

Тем временем по другому, независимому каналу, стремительно восходила звезда оппозиции. Могучий красавец, в доску свой, настоящий народный лидер, о котором поговаривали, что он мог упасть с моста в реку и, не выходя из воды, махнуть стакан водки, выдвинутый возбужденной толпой на фоне Белого дома, задиристо и чинно провозглашал: «Мы считаем, что такие силовые методы неприемлемы. Они дискредитируют СССР перед всем миром, подрывают наш престиж в мировом сообществе, возвращают нас к эпохе холодной войны и изоляции Советского Союза. Все это заставляет нас объявить незаконным пришедший к власти так называемый комитет...».

Спустя годы я осознаю, мы все осознаем: любое событие содержит как минимум две правды. Историки разберутся, в чем состояла тeneвая подоплека событий, благодаря чему кто-то сел в президентское кресло, за что кому-то дали Нобелевскую премию мира, и отчего кто-то пустил себе пулю в висок. А пока...

Через три дня все каналы трубили победу. Выступали журналисты, диссиденты, правозащитники. На площади Главного Устрашения граждан накинули петлю на Железного Палача. Статую вздернули. Толпа ликовала.

– Свобода! – радовался отец, впившись глазами в экран. Мы тоже радовались, вместе с ним, вместе со всеми. Только мама сидела молча, без экзальтации. И вдруг изрекла:

– Бог умер. Дозволено – всё.

Победа новой власти выражалась в идее, что мы теперь вроде как независимы. Я не очень-то понимал, что это означает. Оставалось глотать голые факты.

Еще в 1990-м независимость объявили Литва, Татарстан и Чечено-Ингушетия. В 1991-м их примеру последовали Нихичевань, Грузия, а также особо взбрыкнула Чечня. После августовской драмы зашагал парад суверенитетов: Эстония, Латвия, Украина, Белоруссия, Молдова, Азербайджан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, Армения, Азербайджан, Туркменистан. К началу зимы остались «несуверенными» лишь Россия и Казахстан. 8 декабря главы Белоруссии, Украины и России «сообразили на троих» в Беловежской пуще. 12 декабря Верховный Совет РСФСР ратифицировал беловежские соглашения и денонсировал договор 1922 года. Советский Союз перестал существовать.

Вопреки Кешиному предсказанию, войны пока не случилось. Но меня не оставляло чувство, что именно после свадьбы жизнь пошла под откос. Я понимал, это совпадение. Вот только чувство, оно не обманывало: привычный мир рушился.

И это было только начало.

5

И однажды она пропала.

Не вернулась после учебы. Стоял распутившийся месяц май новой весны.

Ужин тянулся. Долго чаевничали. Смотрели телевизор, листая каналы, все более осознанно и прицельно отыскивая криминальные сводки.

Ее не было.

Настала ночь. Мама позвякивала чайной ложечкой. Отец то и дело вглядывался в окно, будто мог с нашего этажа что-то впотьмах разглядеть. Я сидел отупело. Никаких дельных мыслей. Звонить в милицию? В скорую? В морг? Рот сковала клейкая горечь.

Наконец, родители ушли в спальню. Я поплелся к себе. Наша комната. Ее вещи, разложенные и развешанные где ни попадя. Было в этом что-то жутковатое, поминальное. Я все сгрел и сгрузил в платяевой шкаф.

Чтобы зря не маяться, занялся тем, что было отложено. До того, как она пропала, я корпел над своим дипломом. С переменчивым вдохновением я писал весь последний год. Близился финал учебы в университете. Дипломная работа называлась «Скорпион в неволе».

Подавляющую часть материала я передрал у Лебовиса. Она и сейчас лежала на столе, эта книга...

Скорпионы – ночные хищники. Солнца они не боятся, но чтоб не расходовать воду, до заката сидят в укрытиях. Это могут быть камни, трещины почвы или норы зверей – любые места, где прохладно и сыро. С наступлением сумерек начинается время активности, и тогда скорпионы выходят охотиться.

Яркого света они не любят, однако их влекут фонари, где нередко падают опаленные насекомые. Впрочем, скорпионы прекрасно обходятся и без подсветки. Они видят на расстоянии до 25 см, чуют запахи в радиусе до полуметра и улавливают колебания воздуха и даже грунта на неопределенно широкой площади.

Приступая к охоте, скорпион замирает. Может стоять часами, пока не явится жертва. Он начинает медленно к ней приближаться, выставив клешни и покачивая хвостом. Когда дистанция уменьшается до критической, он совершает молниеносный бросок. Клешни крушат, кромсают, но если жертва сопротивляется, охотник жалит ее, парализуя или разя насмерть.

Скорпион приемлет только живую добычу. Его обычная пища – беспозвоночные, включая скорпионов помельче. Доведется, способен одолеть и небольшую змею, ящерицу, мышшь. Скорпион берет любого, кто меньше или равен ему по размерам. Иногда может атаковать и более крупное существо, благо яд позволяет, но вообще, это редкость.

Что до человека, скорпион никогда на него первым не нападет, если только тот, случайно или по глупости, не наступит.

Звякнул ключ. Скрипнуло, засквозило и тихо шелкнуло.

Я вскочил, протирая глаза, метнулся в прихожую. Квартира серела, за окном всю розовело.

Она сидела на пуфике и расшнуровывала кроссовки.

– Что случилось?!

– Привет. Не шуми. Все нормально.

– Нормально? Мы с ума посходили!

– Извини, так уж вышло. Мы с Анютой сдали последний зачет. Получили к сессии допуск. Решили отметить. В кафе. Заболтались. Метро закрыли, и я пешком шла домой.

– Всю ночь шла?

– Под конец просто ползла.

– Могла бы хоть позвонить! У отца, между прочим, машина, мы бы приехали за тобой.

– Не нашлось двушки.

Я хотел было высказать злую резкость. Но что-то внутри у меня запнулось. Она сидела такая усталая, жалкая, одной ситуацией этой нелепой раздавленная. Скинула обувь. Трогательно пахло носочками. Поднялась. Глаза виновато туманились. Обвилась вокруг моей шеи, потянулась губами. Начали целоваться.

Я размяк. Слава Богу, жива.

Следующим вечером вся семья была в сборе. Ужинали молча. Если не считать знаков вежливости. В открытой форточке монотонно шипел город.

Она быстро поела, сказала «спасибо» и шмыгнула в комнату.

Мягко хлопнула дверь. Выждав паузу, отец заметил:

– Кажется, вчера наша девочка подзаблудилась.

Мама определила жестче:

– Дрянь девка.

Отец скривился. Мама осталась бесстрашна.

Я должен был что-то сказать, в защиту себя, ее:

– Не волнуйтесь, ничего страшного. Она просто прогулялась с подружкой.

– Просто... – хмыкнул отец.

– С подружкой... – съязвила мама.

Больше к этой теме не возвращались.

В доме установились отношения натянутой дипломатии. С невесткой родители вели себя подчеркнуто обходительно. Со мной, родным сыном, общались, вроде бы, как всегда, но в каждой фразе таилась неискренность. Даже друг с другом они разговаривали с холодноватой иронией, словно играли в напряженную карточную игру, где выигрыш очень сомнителен, а ставки весьма высоки, поэтому главное – непроницаемость лиц.

Я чувствовал себя меж двух огней, негреющих, высоковольтных. С женой все хорошо. С родителями тоже. А в сочетании – искрит и содрогаает.

Впервые мне подумалось, что семья – это искусство. Союз чужих людей.

Чужих? От этой мысли делалось не по себе.

Почему-то отчужденность я испытывал не к ней, а к родителям. Наверное, пришло время от них отрываться. Оканчивая университет, я готовился вступить в по-настоящему взрослую жизнь, но оставался ребенком, поскольку за меня все решали папа и мама.

О моем трудоустройстве, в частности, хлопотал отец. Прочил карьеру в зоопарке, где работал сам и, естественно, имел связи. Меня ждала некая лаборатория под началом некоего Ефима Соломоновича, который, как выяснилось, неспроста был приглашен на мою свадьбу, – его я, хоть убей, припомнить не мог, а вот он меня, оказывается, хорошо знал.

Мои друзья были куда более независимы. Свое будущее они организовывали сами. Кеша, мир биологов тесен, добился распределения во все тот же зоопарк, но в отличие от меня, исключительно благодаря таланту проныры. Андрон, профкомовский деятель, с университетом расстаться вообще не спешил, и по мутным намекам, возможно, зацепится на одной из кафедр. По их словам, никто им не помогал. Такой самостоятельности я завидовал.

Хотя, возможно, они утаивали правду.

Среди выпускников бытовало мнение, что все в жизни решает блат. Если блата нет – остается надеяться на «красный диплом». Никто из нас не был гением, и учились мы, в общем-то, так себе, презируя усердие и рассчитывая на авось. Ходила такая шутка: «Лучше синий диплом и красная морда, чем наоборот».

Дипломы, однако, в тот год всем нам выдали черного цвета.

Она сдала сессию, я закончил университет.

На путешествие вроде прошлогоднего денег не было. Клянчить у родителей не хотелось, а выпускник – свежеиспеченный нищий. Что я мог предложить? Пришлось отправиться в мало-бюджетный отпуск к ней на родину.

По правде говоря, не представлял, чем там заняться, в той дыре. Ну ладно, местный кремль, какие-то церквушки. Побродим, поглядим. Я смутно их припоминал по первому визиту в зимний город, где встретила судьба, и декорации размылись. Припоминал я и ее семью, людей, конечно же, душевных, но чуть более открытых и простых, чем я привык в интеллигентной жизни – горластых, жизнерадостных, с претензией на удаль, чем и отметились на свадьбе. Теперь вот предстояло там гостить.

Приобщиться к архитектурным памятникам мне так и не довелось. Равно как и уютиться в душевной квартирке их пятиэтажки. Буквально сразу по приезду нас включили в трудовой расчет, и ближайшей электричкой все отправились на дачу.

Знал бы, что все выйдет так, лучше б остался дома. У моих родителей, между прочим, дача тоже имелась. Небольшой уютный домик с электричеством и водопроводом в тенистых зарослях садового товарищества от университета. Здесь же мне открылся лунный пейзаж гигантского карьера, по истощению полезности отданного трудящимся под участки. Там-сям из недр вздымалось, кто во что горазд. Исходя из скудных средств и ограниченного вкуса. Остовы сооружений разной степени достройки, пока без цивилизованных удобств, однако с замахом на утопическую перспективу.

Выяснилось, что в перспективу помещен и я. В качестве «мужика», а стало быть, строителя. Весь первый день мы с ее отчимом, фактически моим тестем, таскали доски. Второй день пилили, шили гвоздем. Третий, четвертый, пятый...

Перспектива уходила в бесконечность. Нет, я ничего, конечно, надо помогать, и спорить не о чем. Да и вообще, интеллигенции не вредно иной раз поразмяться, пролетарски, этак, погорбатиться. Всё это на пользу. Если б не водка.

Пить тесть был здоров. И столь же радушен. Я не мог отказаться. Ведь и теща поддерживала, и моя жена: за обедом, официально. Все, кроме сестрицы. Да, имелась еще сестрица. Рыхлое существо подросткового возраста, без искры в глазах и, кажется, интеллекта. Неудивительно, что по свадьбе я ее не запомнил, а осознал лишь теперь. Она была тенью. Молчаливой тенью хмельного зачатия.

В первый же день ушло пол-литра, легко, как вода. Во второй – уже литр. Третий, четвертый, пятый... Я озадачивался. Теща журила. Тесть похотывал... Я все больше смущался. Теща занервничала. Тесть разгулялся... Я помрачнел. Теща ворчала, бранила, забила в истерике. Тесть колобродил, дурачился, убегал, злился, зверел, прятался.

В конце концов, он забаррикадировался в сарайчике. Теща штурмовала. Тот отстреливался матюгами. Соседи вытягивали шеи, вслушиваясь с интересом. Сестрица мучила палочкой найденного в грядке червяка.

С меня было довольно.

– Пора домой. – Я принялся швырять, укладывая, вещи.

– Уезжаешь? – Бедняжка села на кровать.

– Погостили и хватит. Ты тоже, давай, собирайся. На электричку еще успеем. А на вокзале возьмем билет на вечерний поезд.

– Я не поеду.

Оглянулся. Смотрела прямо и твердо. За окном металась тещины вопли.

– Не дури. Мы славно отдохнули. Мне надо оформляться на работу.

– Оформляйся.

- Не возвращаться же мне одному.
- Я не смогу.
- Чего не сможешь?
- Вернуться туда.
- Что-то я не понял...
- Не смогу вернуться... туда... жить... к твоим родителям.

Я остолбенел. Вопреки июльской жаре, в доме было сыровато и гниловато. Гудел комар, увиваясь, но не даваясь прищлепнуть. Зря только врезал себе по лбу.

- Бедняжка, в чем дело?

Молчание. Опустила долу глаза. Губки в нить. Ручки в кулачки. Ножки впритирочку. Пауза тянулась, вязко перетекала в замкнутость, в неприступность, в глухую стену, в онемевшую пустоту.

Я ничего не понимал. Отказывался понимать. Мысли путались, спотыкались, летели кубарем в пропасть обморока. Впечатления, следы. Недомолвки, обрывки. Родители старались, как могли, нам помочь. Или нет? Или дело в другом? Что-то не так. Не сходится, не стыкуется. Но что именно, не молчи, не вытягивай душу за ниточку, просто скажи. Если только родители... чужие тебе люди, но... разве они тебя не... разве сделали они тебе что-нибудь, кроме добра?

Последнее вылилось в голос. И тут я услышал, как бормочет она:

– Да. Все так... Меня приняли, приютили... Слова худого не сказали и куском хлеба не попрекнули... Но скажи мне, как? Как мне дальше терпеть?.. Как признаться твоим добрым родителям, что, не смотря на все то, что они для меня сделали, я другая и моя жизнь – в другом. Как мне их за их же доброту не ненавидеть?!

На этом все слова уперлись в тупик.

Пришлось уезжать одному. Она вызвалась проводить. Мы шли по тропинке, протоптанной дачниками через лес к одинокому полустанку. Комары и жара. Тошнота и сумбур. Я по-прежнему не понимал ничего, кроме отчаянного осознания: штамп в паспорте не спасет и, похоже, вот я ее теряю.

Показался поезд. Выползал, надвигался железным удавом.

Она вдруг сказала:

- Люблю тебя, хочу быть с тобой. Но что ты можешь мне предложить?

Я оглянулся в недоумении. На меня в упор взирала судьба.

- Ты взрослый мужчина и должен подумать о квартире для нас.

6

Вернулся домой. Побродил по безлюдной квартире. Судя по сухости в цветочных горшках и стерильности в холодильнике, родители с дачи пока не навевались. Жилье и быт в моем полном распоряжении.

Однако хозяин дома здесь далеко не я.

Взрослый мужчина... Подумать о квартире... Чтоб это осознать, потребовалась женщина. Где ж я раньше-то был? О чем думал?

Учился в университете, писал диплом. М-да...

На моем столе лежал этот плод формалистики и бездарности. Подведенная под высшим образованием расплывчатая черта.

Я взялся вяло листать...

Большинство скорпионов живут в неволе около 5 лет. Известны случаи, когда некоторые доживали до четверти века. При ненадлежащем содержании жизнь существенно сокращается и может составить всего 1–2 года.

Для одного скорпиона нужен террариум объемом не менее 20 литров. Дно выстилают субстратом толщиной 7-10 см. В стенках должны быть отверстия для вентиляции. Влажность поддерживают опрыскиванием, температуру – термостатом (20–25°C).

В принципе, вместе можно селить до четырех скорпионов, если у них достаточно еды и много потайных мест. Но все же разумней держать по отдельности: они избегают встреч, не делятся пищей, а в стесненных условиях атакуют и пожирают друг друга.

Скорпионы – прирожденные каннибалы. До половины их рациона составляют сородичи. Закон природы неумолим: зазевавшийся гибнет, сильный ест слабого, в борьбе за добычу хищники одного ареала ликвидируют конкурентов.

В неволе повадки утрируются, и, по мнению многих экспертов, нет существа более свободолюбивого, чем скорпион.

Свободолюбие... Каждому требуется собственный угол. По-человечески, ее положение вызывало сочувствие. Я-то в ее семейке неделю едва выдержал. Так неужели она обречена мучиться с моими родителями?

Квартира... Но как?

Этот вопрос мы с родителями обсуждали, и неразрешимость его с некоторых пор была мне известна. Много лет родители откладывали кровные деньги, планируя вступить в жилищный кооператив – для меня. Пару лет назад появилось новое слово «инфляция», и планы на глазах стали рушиться. Все началось в 1989 году с отмены двадцатипятирублевых советских купюр. Ползли слухи, что с деньгами вот-вот «что-то будет»: не то заморозят вклады, не то вообще отберут. Как и многие, мои родители сняли сбережения со сберкнижки и скупали доллары, по жестокому курсу, только бы деньги спасти. Но в январе нового, 1991 года, правительство отменило пятидесяти- и сторублевки, позволив гражданам обменять старые купюры на новые в размере не более трехсот рублей, то есть, месячной зарплаты. Летом 1992 года появилось очередное новое слово «ваучер», заявленное как доля государственной собственности, которая через «приватизацию» достанется каждому. Большинство не знали, что делать с этими ваучерами, красивые бумажки стремительно обесценивались, и вскоре пришло тошнотворное понимание, что нас всех, попросту говоря, облапошили.

Квартиры все еще давали очередникам. Очередь – на четверть века вперед. Зато появилась «возможность» приобрести по рыночной цене. Средняя зарплата позволяла это сделать, если копить лет сто.

Я не мог понять: то ли я дурак, то ли свершается нечто чудовищное. Кто так взвинтил цены, что для покупки жилья не хватит *всей* человеческой жизни? Каким таким чудом в наше время, в нашем городе, строить семью?

Как лично мне, молодому-здоровому, дальше жить?

Родители изумились, увидев меня в калитке своей дачи. Мутное объяснение, почему я здесь и, к тому же, один, приняли с вежливой фальшью. Я понимал, не стоит тянуть, но не мог подступиться к настоящей цели визита и слонялся по саду, а они за мною следили, будто за зигзагами шаровой молнии.

Подоспел и обед. Уселись за стол. Дружная семья. Знакомая сервировка. Все как всегда, нет никакого повода волноваться. Зелень своя, прямо с грядки. Чеснок зол и сладок, борщ удался. А котлетки-то, котлетки. Мои любимые.

Наконец, я откашлялся...

– Папа... мама... я приехал не просто так...

Они притихли.

– Нужно решить одну проблему...

Окаменели.

– Я долго думал. И пришел к выводу... Мне тяжело это вам предлагать, но я не вижу другого выхода. Как ни крути, мы теперь две семьи... Семья – это отдельная жизнь, согласитесь. Но вы же знаете, перспективы практически нет. В общем, нам нужно подумать, как бы нашу квартиру... общую нашу квартиру... разменять.

Переглянулись. Уткнулись в тарелки. Продолжили есть с преувеличенным аппетитом.

– Этого не будет, – отрезала мама.

– Мы вас не гоним, – добавил отец.

Судя по слаженности ответов, они давно все решили. Я помрачнел:

– Вы хотите смерти моей любви?

Заулыбались. Взрослые люди, для которых любовь – лишь повод к улыбке. Меня взбесил их умудренный цинизм. Я поднялся из-за стола.

– Ну вот что... Вы, конечно, мои родители, я вас уважаю. Не хотите помочь, так и скажите, не обижусь. Хоть это и трудно и, кажется, невозможно, я все равно буду строить семью. Но если вы откажете... вы рискуете больше меня не увидеть!

С обеда разошлись скорбно, как с похорон. Знойная тишь навалилась, давила на мозг. Птицы не пели, собаки не лаяли, коровы не мычали вдали. Ни мух, ни пчел. Мир затаился, оцепенело чего-то ждал.

Я лежал в своей комнате, невольно прислушиваясь. Дощатые стены не оставляли возможности быть глухим. Родители запальчиво дискутировали, почему так неудачно случилось, что они не смогли обеспечить будущее единственному ребенку. Поначалу клеймили, как водится, государство. Неожиданно мама перекинулась на отца. Добралась и до «его истории», из-за которой тот оставил кафедру университета, где был выше полет и шире возможности. Вышло, дело не в ломке социального строя, и не в крутых экономических передрягах, а в единоличной виновности мужа, ибо «все могло бы быть теперь по-другому». Тот оборонялся, мол, «история не любит сослагательного наклонения», однако маму его банальности только злили, она ожесточалась, заводилась, входила в раж. Отец вдруг сорвался:

– Ты тоже не святая! Давай не будем вспоминать, с чего все началось!

И вновь навалилась тишь, удушливая, густая. В насупленной атмосфере потемнело. Зрела гроза.

За стенкой долго молчали. Наконец, мама сказала:

– Ладно. Сыну нужно помочь. Размен так размен.

– Ты уверена, – всполошился отец, – что это единственный вариант?

- На все судьба. Не он первый, не он последний.
- Что ты имеешь в виду?
- Женщину.

По подоконнику застучало. Стекло прочертили первые капли. Их становилось все больше, они текли, перемешивались, размывались.

- Но наша квартира... Размен... Рушить то, что создавал еще его дед?
- Такое уж время пришло... – Мама вздохнула. – И кажется, это надолго.

Наш дом считался элитным. От риэлторов отбоя не было. Рыночная цена позволяла крутить носом, рассматривая варианты.

Остановились на двухкомнатной для родителей, в доме чуть проще, чем наша высотка, но довольно приличном, той же эпохи, в том же районе. Для меня выбрали тоже «двушку», без истории, без отделки, в панельной коробке весьма окраинной новостройки.

Обиженным я себя не чувствовал. Немного жаль было расставаться с центром, зато возник легкий избыток денег на обустройство жилья. Не так уж и важно, где проживать, куда важнее – с кем разделить судьбу. Я предвкушал любовь, наконец-то свободную, раскрепощенную.

Для переезда отец договорился привлечь рабочих из зоопарка. И машину побольше, чтоб одним рейсом управиться. Рабочих выделили. Но в назначенный день не оказалось свободных фур. После экстренной телефонной ругани отец согласился на то, что ему смогли предложить.

Халявное средство передвижения представляло собой платформу с клеткой для транспортировки крупных животных. Впрочем, на совесть вычищенную, – таким образом, нашему скарбу не угрожали ни пятна, ни запахи. Отменные габариты позволили загрузить мебель и всякое другое движимое имущество. В кабину забрались водитель и мама. Прочие разместились сзади.

Тронулись, вырулили со двора, влились в поток. Наш дом, мои детство и юность, качаясь, поплыли в прошлое.

На светофоре рядом с нами остановился троллейбус. Пассажиры прильнули к окнам, тыкали пальцами, махали ладошками. Вымотанные погрузкой, мы сидели, не реагируя. Я вдруг представил, как это выглядит со стороны.

По городу в меблированном кузове едут мужчины. Разного возраста, внешности, перспектив, рассевшись кто как. Едут приемлемо, даже комфортно, с некоторым даже шиком.

- Мужчины, взирающие сквозь прутья клетки.
- Мы с отцом переглянулись... и рассмеялись.

7

Я знал, что выход на работу – вступление во взрослую жизнь.

Однако представлял я эту жизнь несколько иллюзорно.

Юность всегда рисует будущее романтически. Но что такое романтика? Это замещение опыта, которого нет, фантазией. То, что рассказывают детям взрослые – только контур, причем, лукавый. Содержание лукавства открывается постепенно, в свой срок.

В детстве мне было известно, что отец работает в университете. Когда я учился в школе, он перевелся уже в зоопарк. Вообще-то, мне как ребенку зоопарк нравился больше, но мама периодически намекала на крах отцовской карьеры. Это печалило.

В зоопарке отец работал в «Террариуме». Я частенько и подолгу у него пропадал. В «Террариуме» содержалась живая коллекция разнообразных пресмыкающихся, от ящериц до аллигаторов, от Красноногих черепах до Королевской кобры. Сотрудники звали это место любовно: «Гадюшник». Из маминых уст слово выходило подчеркнуто ядовитым. Я расстраивался за отца, пока не узнал в конце школьных лет, что он не просто работник «Гадюшника», а заведующий, то есть, главный.

Именно с его подачи я поступил на биофак университета. Именно благодаря ему получил распределение в зоопарк. Именно в «Террариум» был взят на работу, из чего вытекало, что отец обо мне заботился, а не жил для себя, как утверждала, иной раз, сгоряча, мама.

В штат «Террариума», впрочем, меня ввели номинально, всего на полставки. Главная стезя моя лежала в аспирантуру. Мне предстояло написание диссертации в лаборатории при «Террариуме», а уж потом, кандидатом наук, я должен был шагнуть, по идее, вверх. Лаборатория, как и я, числилась за «Террариумом» номинально. Подробностей отец мне не пояснял, всему, мол, свой срок. Все, что мне полагалось знать пока, это профиль исследований.

Ученые занимались там скорпионами.

Когда я об этом услышал, долго смеялся. Моя профессия вырисовывалась логично, но мне показалось, что скорпионы в центре нашего города – это абсурд.

Отец одернул: «Никогда не делай выводов по первой ассоциации».

И вот я шел в ту самую лабораторию. Располагалась она далековато от «Террариума», да и вообще, от любых объектов для посетителей. За линией складов имелся участок, заросший кустарником. Над буйной зеленью круглилась серая крыша ангара. Колючая проволока по периметру. Решетчатая калитка с врезным замком. Сколько же подобных строений нелюдимого вида таятся по закоулкам нашего города, и никто не знает, что там внутри?

Я нажал кнопку звонка.

После паузы появилась... девушка?... дама? – молодая женщина. Ее возраст я затруднился определить. Она не шла – подплывала, с любопытством в меня вглядываясь, а ее тело упруго и сочно под белым халатом двигалось.

– Здравствуйте, я к Ефиму Соломоновичу. Это здесь?

– А вы кто?

Я назвал фамилию.

– А-а... Так вы сын того самого... Проходите, мы вас давно ждем.

Пошла к ангару. Ее тыл ворожил. Я раздраженно поплелся следом: так и знал, меня здесь будут считать папенькиным сыном. Она оглядывалась, улыбаясь, – впрочем, приветливо, без надменности. Я расплылся в ответной улыбке, но тут же посерьезнел. Еще чего.

Внутри все оказалось иначе, чем я себе представлял. Фантазия рисовала какие-то колбы, пробирки, микроскопы. Ничего подобного не было. Антураж лаборатории скорее походил на компактную ферму по разведению диковинной мелкой живности.

Посредине стоял длинный стол в окружении стульев, заваленный бумагами, папками, канцелярским хламом. В углу примостились диван с парой потертых кресел и низкий столик с приметами чаепития. Несколько холодильников. Электроплитка. Несколько глухих шкафов. Этим меблировка исчерпывалась.

Все остальное видимое пространство заполнили во много рядов многоярусные кле-тушки с их обитателями.

Скорпионы.

Никогда раньше я их не видел так близко. И в таком количестве. В первый момент даже слегка подурнело. Они шевелились. Индивидуальные звуки каждого скорпиона сливались в какофонический общий шелест вроде потрескивания сухой палой листвы. Я поежился, озира-ясь. Вдруг представилось, каково это, если они вырвутся на свободу и скопом набросятся со своими жалами на меня.

И еще мое внимание привлек плакат на стене: грозный красноармеец, пронзающий зри-теля пальцем. Классическая агитка, известная каждому, в данном случае добровольцам не тыкала. Изначальная надпись была заклеена листком ватмана, по которому некий шутник крупными буквами вывел:

ОНТОГЕНЕЗ ЕСТЬ КРАТКОЕ ПОВТОРЕНИЕ ФИЛОГЕНЕЗА.

Кабинет завлаба располагался в дальнем из закутков, отгороженных от основного про-странства фермы. Ефим Соломонович оказался щупленьким человечком с морщинистой пле-шью в курчавых сединах, и в тонких очках под кустами бровей. Когда я вошел, он грыз каран-даш, задумчиво сгорбившись над столом. Точней, над газетой. Еще точней, над абракадаброй кроссворда.

Я представился. Он обрадовался, словно родному. Спросил, как родители, как отдыха-ется, как настроение. Едва дав ответить, пустился распространяться о лаборатории, о коллек-тиве, о том, как нешуточно мне повезло.

В сущности, я зашел познакомиться. И еще, договориться о выходе с сентября. Мне тре-бовалось обустроить квартиру и съездить в провинцию за женой. Не вникая в подробности, он вошел в положение: конечно-конечно, наука потерпит, мне дозволено выйти, когда я решу все вопросы. Славный чудак.

Неожиданно он объявил:

– А теперь небольшой экзамен... Способность ощущать – это что?

Я смутился:

– Даже не знаю... Может быть, чувство?

Он склонился к кроссворду прикинул по клеткам и вскинул брови.

– Правильно! Так-так-так... Погоди-ка... А – плод сознания?

– Мысль.

– Подходит!.. А вот еще. Единица языка для обозначения понятий.

– Слово.

– Молодец! Светлая голова! Сработаемся! – Он прищурился, вглядываясь в меня зорко и даже хищно. – Ну а теперь скажи: что в кроссворде самое главное?

Я напрягся, вновь ощущая себя студентом. Выждав, чтоб я помучался, он вытянул перст:

– Назвать вещи своими именами!

Когда я вышел из кабинета, скорпионы, в сравнении с завлабом, не показались таким уж чудовищным и абсурдным занятием.

– Ну как вам наш Соломоныч? – меня окликнула та самая женщина. – Напугал? Он безобидный, не бойтесь. Мы все его любим.

– Я думал, вы здесь работаете. А вы кроссворды разгадываете.

– И работаем в том числе.

Она приблизилась неспешной походкой хозяйки. Остановилась. В ее карих глазах лукаво играла усмешка. Дрогнули, всплыли лодочкой уголки мягких губ. Протянула ладошку.

– Меня зовут Ада. А вас как?

Итак, я вступил во взрослую жизнь. Стал аспирантом, ходил на работу, обживался с любимой в квартире. Тихая радость наполнила наши дни. Дни складывались в недели. Все было хорошо.

И вдруг она исчезла.

Бедняжка. Опять.

Не вернулась из института. Как и в тот раз, еще при родителях. Теперь вот – новый случай на новом месте.

Промаялся вечер. Настала ночь. Завтра на работу. Какой уж тут сон. От сигарет и чая мутило, подташнивало, шибало в пот. Новая квартира, телефона нет. Пойти искать? Но куда? Многомиллионный город, безнадега. Оставалось ждать.

Вероятности, одна обморочней другой, распались, жгли мозг. Потеряла сознание, забрали по «скорой», экстренная операция... Споткнулась, ударились... Перебегала дорогу... Рельсы в метро... Криминогенная обстановка... Менты... Грабежи... Похищения... Маньяки... Расчлененные трупы...

И еще. Среди всех этих вероятных кошмаров сознание жалил один, вполне банальный, жизнеутверждающий ужас. Я его гнал, словно омерзительное насекомое, а он снова и снова ко мне подползал.

Силуэт незнакомца. Мужчины.

Я почти и не удивился, когда утром, выходя из подъезда, нос к носу столкнулся с живой-невредимой заблудшей женой. Шарахнулась, спохватилась, придала бледности невозмутимое выражение.

Я привалился спиной к холодной железной двери. Закурил.

– Ну?.. Где была?

– Ты только не злись. Я все объясню.

– Не сомневаюсь.

– Понимаешь, вчера у Анюты был день рождения.

– Опять Аня. Ну-ну...

– Я совсем позабыла. Но Аня напомнила, пригласила всех наших. И, конечно, меня. Поехали в общагу. Выпили, засиделись. Опомнились – ночь.

Складно. Не подкопаешься. День рожденья – святое. Телефона нет. Вот только румянец какой-то смятенный. И необычный блеск глаз.

Головой я ей верил. А в груди скребло недоверие. Ну не ехать же мне в общагу – допрашивать эту сучку Аню. Выставлять себя на посмешище.

Я всосал горький дым, швырнул бычок и двинулся на работу.

Пришло время от теории переходить к практике. Для начала – инструктаж по технике безопасности. Мне объяснили, что в лаборатории делать можно, а чего нельзя. Научили захватывать скорпиона пинцетом и остерегли брать рукой. Наконец, показали, где хранится аптечка с антискорпионьей сывороткой, которую следует немедленно ввести внутримышечно в случае ужаления.

Коллектив, как я вскоре понял, дробился на группы. В каждой из них ученые занимались определенной проблемой. Меня включили в группу, которая работала над селекцией. Что это такое, я пока не очень-то понимал.

Позади ангара имелся специальный участок. На нем был оборудован полигон. В ту осень мы гоняли скорпионов по «Т-лабиринту», выявляя самых шустрых и сообразительных. Про-

стейший лабиринт использовали в нескольких вариантах. При негативном к одному из тупиков подводится ток. При позитивном кладется приманка. Применяли и комбинированный вариант. Селекцию проводили исключительно среди молодых скорпиончиков. Подопытного пускали с длинного конца коридора. Кто быстрее других обучался избегать удара и главное – находить приманку, отбирался для дальнейшего. Неудачники выбраковывались.

День за днем мы занимались этой рутинной. Соломоныч руководил. Я таскал садки, поглядывая на Аду. Она брала испытуемого, пускала в лабиринт, включала секундомер, записывала результат.

Когда она нагибалась, в разрезе халата увесисто колыхалась грудь.

В курилке мне успели про нее нашептать. Якобы нет в лаборатории мужика, с которым Ада не переспала. Притом что считалась чуть ли не официальной любовницей Соломоныча. О ней шептали без осуждения, а напротив, с почитанием, как о жрице любви. Я и верил, и не верил. Дама-то она сочная, факт. И как не поверить тому, что рассказывают старожилы. Но я не мог представить, чтобы кандидат наук и старший научный сотрудник могла оказаться неразборчиво легкого поведения. Да и Соломоныч. Чудак с тараканами в голове. Однако в работе – серьезный завлаб. И, к тому же, старик. Я склонялся к тому, что сплетни плетут вождедеющие пошляки и обиженные судьбой неудачливые карьеристы.

В конце каждого дня подводился итог. Интерпретация опыта вызывала дискуссию. Ада настаивала избежание удара током считать достаточным результатом. Ей было жаль выбракованных скорпиончиков, которых ждала участь стать кормом для более ловких. Соломоныч напоминал, что бегство от неблагоприятных условий – реакция примитивная, а более высокий уровень адаптации – поиск условий благоприятных. Из подопытных скорпионов требовалось отобрать наиболее жизнестойких, и по убеждению Соломоныча, ключевой аспект – способность найти приманку.

Периодически справлялись и о моем мнении. Я терялся. Мне импонировали и сентиментальность Ады, и цинизм Соломоныча. Интерпретация – это выбор, до которого я пока не дозрел.

Так или иначе, меня подключили к эксперименту.

После того случая жена больше не исчезала. Я хочу сказать, вела себя прилично, ночуя дома. К сожалению, я не мог быть слепым: все более темными осенними вечерами она возвращалась все позже и позже.

До разборок не унижался.

Спать она отправлялась далеко уже за полночь. Иногда я с нею пересекался, пытаюсь слегка приласкать. Она плавно увертывалась, всякий раз изобретая причины: то устала, то нет настроения.

Не навязывался. Нет, значит, нет.

Но как-то раз меня крепко это заело, и я предложил ситуацию обсудить. Как близкие люди, откровенно. Поговорить по душам.

Она отмахнулась: «Достало твое занудство».

Что? Моя душа – занудство?!

Я замкнулся. Склеп, барокамера, свинцовая капсула. Мне что, больше других надо? Ха! Посмотрим, кто кого перемолчит. Мой рассудок спокоен и тверд, как тот философский камень.

Вот только в сердце вгрызлась обида, вызревающая в злость.

Не скажу, что мы наглухо онемели. Просто, слова потеряли уверенный смысл. Ей было любопытно, к примеру, помню ли я, что в пору наших свиданий она всякий раз наряжалась в новую кофточку. Я не помнил. Или интересовалась, не нахожу ли я ее внешность безликой. Я не находил. Она хмурилась в зеркало и приступала к броскому макияжу. Или, скажем, провозится с волосами, укладывая так и эдак, терзая меня, не пора ли ей изменить прическу. Я

заверял, она нравится мне неизменной, и вообще, я люблю ее, вне зависимости от причесок, более того, перемены меня раздражают. Вечером она появлялась с икебаной на голове.

Чего она добивалась? Во что пыталась играть? Какой новизны искала? И что означал ее взгляд в поволоке лукавства и мерцанием тайны в дымчатой глубине?

Я хотел одного – правды.

Она отделялась ничего не значащими словами. Теряя веру в слова, я наливался отравой злости, подозревая, что «злость» – не совсем точный в моем положении термин. И еще больше злился.

Почему-то запомнился один эпизод. Она затеяла принять утром душ. Чего никогда раньше не делала. Перед выходом из дому. На учебу. На очередное позднее возвращение... Сквозь волнистое стекло я наблюдал ее силуэт... Выбравшись из ванны, она распахнула дверь. Обдало паром. Заметив меня, улыбнулась. Я спешил, но стоял истуканом. Она растиралась махровым полотенцем, игриво поглядывая.

– Тебе, кажется, на работу? Беги, опоздаешь.

– Да. Если уже не поздно.

Взяла пузырек. «Красная Москва», мой подарок. Перевернула, подставила ладошку, потрясла. Посмотрела на свет. Опять перевернула. Закусила губу, дожидаясь падения.

Наконец, соскользнула. Одна. Как слеза.

Последняя капля.

Пожалуй, я этого ждал.

Но не думал, что это случится так скоро.

Кеше, наконец, дали визу, и он уезжал в Штаты.

Странно, после университета мы работали в одном месте, но почти и не виделись, будто судьба раскидала по городам. Я знал, что он в «Обезьяннике»; он был в курсе, что я в «Гадюшнике». Для ощущения дружбы этого было достаточно.

И вот он уезжал. На «пэ-эм-жэ». То есть, навсегда.

По этому поводу Кеша устроил прощальный ужин. Позвал меня, Андрона, других ребят, кто его знал. Стол он накрыл на работе, убивая всех зайцев разом: в квартире тесно, в ресторане дорого, а чокнуться нужно со многими, включая коллег. Сидели, звенели, дымили, грезили, ностальгировали. Возглашали здравицы, выпивали на брудершафт. Радовались, что хотя бы один из нас станет-таки человеком. Костерили страну, из которой струится утечка мозгов.

Все это было правдой. Однако не всей. Эмигрировал Кеша как ученый, но не главным образом. Непосредственно принимающей стороной его молодого потенциала являлась не биологическая наука Америки, а – женщина. Их роман начался еще здесь, около года назад. На пике страсти она убыла в Штаты. К законному мужу. В браке она состояла двенадцать лет. Вскоре пришло письмо с сообщением о разводе и приглашением обетованным для Кешы.

Мы как раз говорили о превратностях и хитросплетениях, похлопывая по плечам, обнимаясь и зубоскаля, подливая и чокаясь, подливая и чокаясь, подливая и чокаясь, приближаясь к неизбежной точке сакраментального «Ты меня уважаешь?».

И вдруг я увидел Аду.

Я не заметил, как она вошла. Да и не мудрено: дым коромыслом, музыка, шум, много людей, знакомых, полужнакомых и совсем незнакомых. Зоопарк – одна большая семья, на подобные празднества заглядывают по желанию. И вот она здесь. С кем-то выпивала, поверх стаканчика поглядывая на меня.

Стало не по себе. Знакомые днем, ее глаза карего цвета сейчас были черными, гипнотически жгучими. Они пронзали и, одновременно, искрили весельем. В груди забурлило. Я с ужасом осознал, что ее появлению... рад.

Не помню, как – я сидел уже с нею рядом. Не помню, что – выпивали уже на двоих. Не помню, о чем – Ада заливисто мне смеялась. Не помню, почему – впервые возникла страшная мысль: можно!

Потом плутали по «Обезьяннику». Темные проходы, жуткие клетки. Я что-то говорил, она что-то говорила, слова перемешивались. Разнокалиберные приматы сонно ворчали, тревожились, взбудораживались, начинали бродить, забираться, раскачиваться, похохатывать, издеваться.

Мы вышли наружу.

Ноябрьский вечер. Сырость и зябь. Муть фонарей. Где-то за оградой, в желтом тумане, постанывал город. Черные деревья светили холодным бисером, рассыпанным по ветвям.

Ада стояла, обхватив свои плечи, и смотрела в туман.

Я не имел представления, что дальше делать, что я вообще здесь делаю. Эта женщина, она меня волновала. Но как это можно?

Ада дрожала. В тот миг она казалась беззащитною девочкой.

Тихо произнесла:

– Может, ты обнимешь меня?

Огнем опалила жалость.

Я дотронулся. Ее плечи, восхитительно странное ощущение иных плеч. Совсем не таких, которые помнят ладони привычкою формы. И эта спина. И грудь. И живот. И вся она необыкновенная – вдруг повернувшаяся, вжавшаяся, впившаяся губами. Всё, всё в ней другое – запах, вкус, язык, перебои дыхания, содрогания, всхлипывания, шепот и смех, упругость и мягкость, изгибы и впадины, настойчивость рук, горячность ног. Но самое необыкновенное, сладкое и преступное – чувство грехопадения.

– Пусти, дурачок, задушишь... не здесь... пойдём же... скорей...

Она высвободилась, потянула за руку, за собою, в туман, во тьму. Мы пошли, побежали, сначала дорожками, потом срезали напрямик. Иногда останавливались, взахлеб целовались, бежали дальше. Ее близость жгла, я на грани сознания понимал – можно! Лицо секла морось. Друг уезжает. Я сбежал, не простился – можно! Что ребята подумают? Приличия, домыслы, сплетни – можно! Под ногами хлюпало. Семейное счастье. Любовь, нервотрепка, ненависть. Ее наглое поведение. Моя глупая верность. Ее фортели – можно! можно!! можно!!!

Ввалились в лабораторию. Ада заперла дверь. Горячо повлекла меня дальше, мимо тычущего красноармейца, мимо глаз соглядатаев в бесчисленных темных клетушках. Рухнули на диван, начали стягивать, рвать одежду, не отрываясь, всасываясь. Остались райски наги.

И тут мне стало по-настоящему страшно.

А вдруг не получится?

– Ну что ты напрягся? – ласково прошептала Ада. – Все будет хорошо.

Она улыбнулась. Кто я такой, чтобы надеяться произвести впечатление? Чуткая, опытная, она меня целовала, брала, делала, что желала. Я расслабился. Я почувствовал нежность. Я сдался любви.

Всё получилось.

Мы долго лежали, сплетясь. Я ее гладил. Ее запах дурманил меня. Проплывали мысли. Я вдруг осознал, почему терпеливо сносил отдаление жены. Я сам потихоньку замкнулся. В мою жизнь вошла Ада. Только я не понимал этого до поры.

Звук клаксона вспорол тишину. Совсем близко. Несколько раз.

Ада вскочила, метнулась к окну.

– Это муж! Одеваемся, быстро!

Мы конвульсивно задергались, разбирая, натягивая.

– Не знал, что ты замужем.

– В шкаф! И не дыши!

Я забрался, как в гроб. Она прикрыла, пошла к выходу. Щелкнул замок. Ворвалось сырое шипение улицы.

– Какого хера я должен тебя разыскивать! Мне сказали, ты в «Обезьяннике»!

– Я там и была, но собралась домой, вернулась сюда за курточкой.

– Искала курточку в темноте...

– Не хотела будить скорпионов.

Вспыхнул свет.

– Зачем ты включил?

– Приткни жало, паскуда...

Тяжкие подошвы неспешно зашлепали, приближаясь... Остановились на уровне шкафа... Двинулись дальше... Описали по лаборатории томительный круг...

– Поджег бы ваше гнездо... Да жаль насекомых... Ладно, поехали!

Свет погас. Хлопнула дверь. Щелкнул замок.

Я наконец-то вздохнул. Высунулся. Никого.

Пригибаясь, словно бегу по простреливаемой территории, метнулся к окну. Прижался к стене. Осторожнейше выглянул.

Здоровенный. Выше меня, пожалуй, на голову, судя по Аде, которая ему по плечо. Сели в машину. «Джип Чероки». Круто. Кто-то едет за лучшей долей в Америку, а кто-то раскатывает в американской машине здесь и сейчас.

Джип взревел и рванул через газон, плюясь грязью. Спрыгнул на асфальт и понесся с воем по зоопарку.

Стихло. Послышался шелест вроде потрескивания сухой палой листвы.

Я сполз по стене. Меня бил озноб. Я трясся в беззвучном смехе.

8

Жене я сказал, что провожал друга в Америку. Проводы затянулись, поэтому заночевал на работе. Она истерила, дулась, потом усмирилась. Бедняжка. Вроде поверила.

А что? Ведь я ей сказал правду.

Я вдруг осознал, как под маской правды легко может прятаться ложь. Самое искреннее сочетается с самым коварным. Это открытие меня веселило.

Но почему-то, пересекаясь с женой, я всякий раз теперь отводил подальше глаза.

Пересекаться приходилось регулярно и много. Мне раньше казалось, будто дома она только ночует. Пришлось убедиться, что из института она приходит не поздно, покупает продукты, готовит ужин, ждет мужа. И чего это я навоображал? На самом деле, обновления ее внешности – просто экспериментирование. Для женщин эти глупости так же естественны, как дышать. Ночь у Анюты? Интерпретировать можно как угодно. Скорее всего, ничего не значит.

Мой же ночной эксцесс – жуть.

Как удачно, что мы начали отмалчиваться заранее. Благодаря этому фону я избегал рискованной болтовни. Неловкое слово могло сдернуть покров моей тайны. Я тщательно фильтровал свою речь. А еще я прикинулся, будто приступил к диссертации. Наволок научных журналов, сводных данных, таблиц. Просиживал вечера над всей этой мутью, дожидаясь, пока жена не уснет. Я был немногословен.

Скажем прямо: я был подлец.

Зато с Адой мы общались на всю катушку. Во-первых, официально – в течение рабочего дня. А во-вторых, и по-настоящему – когда лаборатория пустела, и мы запирались, чтобы тут же друг в друга впиться.

Отлюбив, подолгу разговаривали. Хохотушка, она стремилась болтать о чем-то веселом. Я заражался от нее беспечностью, искрометностью, оптимизмом, учился трудному искусству легкости бытия. В ее характере я находил не легкомыслие, а недоступную мне мудрость, досадно недоступную по приговору моего характера. Природа наградила меня сумрачной вдумчивостью, и кое-кто считал это занудством.

Однако Ада далеко так не считала.

Когда я рассуждал, она, прижавшись, слушала внимательно. При нашей разнице в годах едва ли я мог сразить ее глубокомыслием. Здесь содержалось нечто более сакральное – самооткрытие, откровенность. Ей была интересна моя суть, душа. Разве не это называется словом «счастье»?

Она мне тоже о себе поведала. Выскочила замуж еще в юности. Теперь уверена, то была не настоящая любовь, а так. Ей показалось, что он классный парень, горячий, энергичный, так и было, да вот с годами превратился в психопата. Детей нет. Квартира да, единственное, что связывает. Развестись? Нет, не отпустит. Не тот он человек, чтоб отпустить. В последнее время у него вообще набекрень съехала крыша.

– А кто он у тебя? Чем занимается?

– Бандит.

Сказала так легко, что у меня свело живот. Я сразу ей поверил. Подробности не уточнял. Достаточно сознания: вот мы лежим, два теплых тела под простынькой, а он в любой момент может на джипе прикатить.

– Испугался?

– Да. Потерять тебя.

Она прижалась. Героя я не корчил. Просто, призадумался. Кто я такой, чтобы она была со мной? Муж у нее – крутой. Таких, как этот, бабы любят, а мужики завидуют, мечтают ими быть или хотя бы называться. Я против такого – просто ноль.

– Ада, скажи... Мне очень важно знать. Ты только не лукавь. Никто мне так не близок, никому я так не верю. Ты опытная, взрослая, многое постигла в жизни. Скажи мне только правду... Я как мужчина... слабый?

– Что ты себе надумал, дурачок. Ты чудесный.

Заулыбалась. Начала тереться, целовать.

– А скажи... О тебе в лаборатории всякое болтают.

– Насчет мужчин?

– Так это правда?

– Ты чему веришь? Сплетням? Или любви?

– Любви.

– Ты лучший. Никто не любил меня так, как ты.

Ада манила. И чем дальше, тем сильнее. Я уплывал в потоке замелькавших наших встреч. Во мне росло чувство усталости и в то же время силы. Меня хмелила эта удивительная пульсация энергии.

Ну а Бедняжка? Ничего подобного я с ней не испытывал. Комфорт, привычка, блекнувшая память о былом. Ее учеба, моя работа, домашние заботы. Жизнь не текла, а вязко шевелилась. Унылость и апатия.

Но если вдуматься, с ней ничего не требовалось менять. Ни строить, ни ломать. Просто спокойно жить. Как все. Устойчивость, определенность, сложившийся тихий быт, уют и лень. Без всякого экстаза, но и без особых внутренних затрат.

А что у меня с Адой? Я втюрился, втянулся. И продолжаю дальше втягиваться. Пока все замечательно. Но сколько это может длиться? И какие перспективы? Все очень смутно. И порочно. И тревожно. Пока определено лишь одно. Точнее, два: она меня много старше, и у нее муж бандит.

Все эти мысли день за днем во мне роились так и сяк, то наизнанку, то лицом, переворачивались, путались. Я погружался в зыбь ориентиров и понятий. Неоднозначность изнуряла, томила мозг. Я словно брел сквозь восхитительную грезу, периодически проваливаясь в ужас, вдруг обнаруживая солнечную радость, и снова мрак. Реальность погружалась в сон. Кошмарный сон. Напоминающий знакомый лабиринт. Простейший, в виде буквы «Т». Я шел по коридору. Я приближался к перекрестку. Я должен сделать выбор.

Но куда б я ни свернул, меня ждали приманки, за каждой из которых – ток.

В один из вечеров я сидел в задумчивости над бумагами. Эти спектакли успели стать вечерним правилом. Как правило, и то, что жена ложилась спать, меня не дожидаясь.

Но в этот раз она правилу изменила. Почему-то.

Бродила, разбирала вещи. Не торопилась. Напевала. Нагнетала общую тревожность.

И вдруг уселась через стол, напротив.

Я на нее взглянул. Тут же опустил глаза. Заерзал. Странно как-то она на меня смотрела. Будто прощупывала мое лицо, пробуравливала. Я почувствовал, как затлели щеки. Она продолжала сидеть.

Снова взглянул. Пялилась. Я потупился. Зашелестел бумагами, пальцы подрагивали. Запершило, кашлянул. Щеки вспыхнули, занялись уши, вся голова, огонь стек на шею, заскользил вниз, струйкой вдоль позвоночника.

Она подалась вперед:

– Что происходит?

Я понял, о чем. Впился в текст, будто это может спасти. Стоит взглянуть, она тут же прочтет мою страшную правду. Уже прочла. Ведь глаза – прямой вход в душу. А в душе у меня... все пропало... кошмар... Как она догадалась? Интуиция? Или может, астральная связь? Меня бросило в пот: признание неизбежно.

– Ну?.. – дожидалась она.

– Не смотри так, не надо, прошу... Помоги мне...

– В чем же?

– В моей... ситуации... Я давно хотел поговорить, рассказать... Но не знал, как... Мне очень трудно...

– Найти слова?

– Да... Кое-что произошло. Понимаешь, случилось. Никто не застрахован. Я не хотел, но так в жизни бывает... Не знаю, как сказать...

– Говори прямо.

Глаза наши встретились.

– Я тебе изменил.

Не шевельнулась. Лишь побледнела. И тут же полыхнула алым. Взгляд заблестел особенно странной и страшной пристальностью.

Я больше глаз не прятал. Некуда, незачем. Тайное стало явным. Ничего не исправить. Осталось принять казнь.

И казнь началась.

Она расспрашивала, я отвечал. Глядя в упор, она мне душу вывернула. Ту самую душу, что ей была неинтересна. Мне показалось, она даже испытывает особенное извращенное наслаждение, вытягивая подробности, обсасывая непристойности, размазывая все святое в месиво, в грязь.

Кто эта дрянь?.. Ах, с работы. Так и знала, где ж еще... Сколько ей лет?.. Старая вешалка, тухлятина, гниль... И давно это длится?.. Ох и крепко же она присосалась... Как часто?.. Не очень? А в каких позах?.. А в рот берет?..

Я защищался, как мог – но позволительно ли мне протестовать? Меня тошнило от ее введливости – но имел ли я право на снисхождение? Я был раздавлен, распотрошен – но и когда от меня ничего не осталось, она еще долго глумилась над останками мертвой личности.

Наконец, подвела итог:

– Тебе нет оправдания.

– Знаю. Бедняжка, прости. Я подлец, я ничтожество, но ради всего того лучшего, что между нами было, прости, если можешь.

– Я прощаю тебя, – отпустила она величаво. – А знаешь, почему?

Я с надеждой поднял глаза.

Она зарумянилась. И четко произнесла:

– Потому что я первой тебе изменила.

9

Это был шок.

Пронзающая судорога, после которой все обмякло, а голове остался легкий звон. Надолго. Возможно, навсегда. Сквозь оглушенность замелькали мысли. Кое-что припоминалось. Ее измену я предчувствовал, подозревал. Так и случилось. Но почему же мой рассудок все подсовывал иные доводы, не признавая правду сердца? Рассудок – трус.

Теперь она клялась, что с тем мужчиной кончено. Хотелось верить. Потребовала жестко, чтоб и я порвал с «присоской». Пообещал. Вот только грудь сдавила жгучая тоска потери, а мозг сверлила язва, наконец-то названная честно – ревность. Каков он из себя? Не мог представить. Не хотел. Я гнал ползучий призрак. Он, подлец, не отступался. Маячил, корчил рожицы с рогами, тряс хвостом. Похабно демонстрировал параметры любвеобильной мощи. В сантиметрах.

А что моя любовь? Что ею называть? К чему приклеить? Как дальше жить в чудовищной неоднозначности простого слова? Возможно ли? Конечно, нужно постараться все вернуть. Семья, уют. Бедняжка, я люблю ее, всегда любил, даже когда мы отдалились. Но вот получится ли у меня вернуть ее любовь ко мне? Смогу ли в обновленную любовь поверить? И главное мое сомнение на темном доньшке души: найду ли в себе силы воли не любить Аду?

– Мы должны развестись.

Я сказал это твердо. Возможно, немного резко после нескольких дней молчания, только считать это неожиданным не приходилось.

– Как-то это неожиданно... – удивилась Бедняжка.

Меня раздражала ее манера включать дурочку, когда я бывал с нею, изредка, строг. Вот и теперь: застыла посреди квартиры, словно заблудилась... нет, даже не в трех – всего в двух соснах.

– Неожиданностью стала твоя... наша измена.

– Но ты ведь тоже изменил.

– Я и говорю, наша!

– Выходит, мы квиты.

Подошла. Протянула мне руки. Не взял. Положила на плечи. Я передернулся. Она приблизилась. Сквозь раздражение проникло тепло. Потерянное. Родное. Безотчетно опознанное памятью тела. Двух наших тел.

– Не надо развода, – прошептала она.

– Не вижу других вариантов.

– Быть вместе.

– Как? Как ты себе это представляешь?

– Измена была ошибкой. Мы должны это пережить. Давай попробуем. Глядишь, все наладится.

Я почувствовал, как что-то во мне размягчается. Ведь и железо плавится от нагрева. Моему же стальному решению хватило ее лица. Ее голоса. Ее умоляющих влажных глаз. Жалость. Вот, черт! Мне опять ее стало жаль. Или себя? Или это лень? Или трусость? Так ли уж я нацелился на горнило развода? Не надеялся ли вернуть все на круги своя?

Она распахнула халат.

Ради чего разводиться? Жениться на Аде? Чушь. Ее муж, конечно, угроза. Но положи руку на сердце: во что превратится Ада через десяток лет? Что останется от моей к ней страсти?

Я расстегнулся.

Господи, что я делаю? Ведь я изменяю Аде. Я предаю ее, подло, нашу любовь. Себя предаю, через себя преступаю, ногою на горло, что-то непоправимо в себе утрачиваю, убиваю.

Мы сплелись.

А она-то, она хороша. Чуть забыта. Не подозревал в ней такой сексапильной приткности! Любопытно, а с ним она так же стонала? Или жарче? Или ее мысли по-прежнему там? Дрянь.

Что я чувствовал? Муку. Потерю себя. Обретение через опустошение. Мы опять с нею вместе. Но вместе ли наши души? Сольются ли хоть когда-нибудь, как наши тела? Никогда! Никогда она не вернется ко мне без остатка. Никогда я не стану ее до конца. Между нами не будет искренности, беззащитной, теплой правдивости, ее место займет искушенность, броня, холодная правда, имя которой – цинизм. Мы содрогнулись и рухнули.

– Видишь, налаживается... – Она томно раскинулась, увлажненная, с поволокой в глазах.

– Да. Это просто. – Я потянулся за сигаретами. – Только все, что нас ожидает впереди – ложь.

На следующий день покинул лабораторию, едва ушел Соломоныч. На другой – нашел дело в «Террариуме» и опять улизнул. На третий был ученый совет, и я вновь подло скрылся.

Я осознанно начал избегать Аду.

Чувствовал в этом искусственность, но понимал: так надо. В течение дня наши взгляды пересекались, и в ее глазах я читал беспокойный вопрос, похожий на боль. Иногда она заговаривала со мной, но неявно, намеками. Я делал все, чтобы не оказаться наедине. Сердце тянулось, рвалось к ней. Я много курил. Не представлял, как сказать, сообщить, поставить в известность. Ведь я ее предал и, день за днем, продолжал предавать. Не хотел, но так вышло, и значит, это мой выбор. Впервые задумался: служебный роман просто начать, легко длить, но практически невозможно его оборвать.

Мне показалось, она догадалась, все поняла. Не преследовала. Отдалилась. Держалась, будто ничего страшного. Прекрасное самообладание взрослой женщины. Кандидата наук, старшего научного сотрудника, ученого в юбке. Ведущего экспериментальную работу под началом завлаба. Который, между прочим, по слухам – ее любовник. Притом что она замужем, опять-таки, между прочим. А сколько у нее таких, прочих, было? Что для нее вообще значит любовь? Неужели, не более чем приятный опыт? Неужели, и я для нее, так, скорпиончик? И неужели, слова, что она так жгуче шептала в самозабвении наших объятий – всего лишь слова?

Требовалось объясниться.

Отчетливо помню тот день. Черно-белый. Как фотография в старом альбоме. Декабрь, выпал снег, растаяло, подморозило. Все обесцветилось. Я шел на работу. Грудь сжимала тоска.

Не знал, как начать. Но твердо решил: сегодня. Дальше отмалчиваться невозможно. Без нее мне не жизнь, но и с ней мне не быть. Вычеркнуть человека сверх моих сил. Она взрослая, опытная, должна все понять. Поговорим, а там видно будет. В зоопарке дорожки обледенели. Пару раз поскользнулся. Немного опаздывал, но нарочно шел длинным путем. На голых деревьях кое-где задержались осенние листья, грустные, жалкие, одинокие, как мои стылые мысли. Небо давило свинцом.

Войдя в лабораторию, я как-то особенно бодро разделся, с энергичной такой подвижностью энтузиаста, будто соскучился по работе после долгой отлучки...

И тут увидел глаза Соломоныча – алые. И лицо – белое.

Казалось, он неважно себя чувствует. Я раскрыл было рот – справиться о здоровье, но тут вдруг заметил, что у всех окружающих такие же нездоровые, непонятные мне, пугающие... Соломоныч выдавил:

– Ада в больнице.

Я похолодел. Почему-то мгновенно понял, что не какой-нибудь там банальный аппендицит. Автокатастрофа, сообщил кто-то рядом. И кто-то еще, и еще, заговорили, рассыпаясь в подробностях, а я глух и слеп. Нынче ночью. Ехала с мужем. Он был за рулем. Пьяный, не пьяный, неизвестно, да теперь и неважно. Он у нее гонщик, пошел на обгон. Скользящая дорога, «камаз», лобовая. По прикидке гаишников суммарная скорость порядка двухсот.

Что с ней?.. В реанимации. Врачи говорят, состояние критическое... В какой больнице?.. Они делают все возможное... Номер больницы!.. Да не надо, ничем ты там не поможешь... Номер! Поеду, сказал!..

Скользкие, невозможно скользкие эти дорожки, бардак, куда смотрит администрация, глазают, животные, на что тут смотреть, сидели бы по углам, так нет же, шастают, посетители, будний день, очень много людей, не протолкнуться, в метро, не задохнуться бы, душно, медленно, долго, невыносимо, ходят черт знает как, эти автобусы, сколько можно, пешком быстрее, лучше бегом, обдувает, морозит, вот уже здесь, белые корпуса, черные окна, белые стены, черные вороны, белые халаты, черные мушки, белые молнии, черные, черные, черные круги перед моими глазами...

Неужели, это?

Вот эти склянки, трубки, дыхательный аппарат. И этот страшный, восковой муляж со шлангами во рту, словно раздутый изнутри, в багрово-фиолетовых по сальной бледности потеках.

И табличка в изголовье. Фамилия, имя.

Это – Ада?!

Меня поддержали за локти. Довели до двери. Сказали крепиться. Теперь понимаю, почему не хотели впускать? Да, да, доктор, вы меня извините, все понял. Кто я ей? Кем прихожусь? Близким? Насколько? Нет, нет. Просто знакомый. Просто коллега.

Через два дня она умерла.

Когда сообщили, ничто во мне не шелохнулось. Никаких эмоций. Бесчувственность, хоть режь. Только горло сдавило, невозможно стало слюну проглотить. И что-то со зрением: все размывалось, текло. Больше – ничего.

И еще, помню, в голове повисла одинокая мысль. Она поразила меня оскорбительной неуместностью, цинизмом, кощунством. Но более всего поразила неоспоримостью правды: «Нет человека – нет проблемы».

На похороны не пошел.

10

В ту зиму мне приснился странный сон.

Будто стою на Т-образном перекрестке лабиринта. Спинай к стене, лицом назад, откуда я недавно вышел. А в обоих концах поперечного коридора витают смутные голоса. Я кручу головой, пытаюсь увидеть источники голосов. Но вижу лишь сумрак теряющейся перспективы. Мне становится жутко. Я отчетливо слышу их перекличку. Но главная жуть – они обсуждают меня.

Голос справа: «Этот человек, безусловно, виновен».

Голос слева: «Он не свободен, и значит, не волен в поступках».

Справа: «У человека всегда существует выбор».

Слева: «Нельзя быть уверенным, что выбор делает он, а не делают за него».

Я хочу что-то произнести. Ничего не выходит. Мои губы немы. Я весь онемевший, бесплотный, бездейственный, меня словно нет. Но раз меня нет, как я могу находиться в этой кошмарной реальности? И может ли быть реальностью голос того, кто незрим?

Справа: «Гнет обстоятельств не отменяет личной ответственности».

Слева: «Главная ответственность любого существа – сохранить самое себя».

«Давайте не будем заниматься вульгарным зооморфизмом».

«Но и не будем забывать первичность законов природы».

«Инстинкты не могут быть выше морали».

«Но мораль не может быть выше нравственности, важнейшего человеческого инстинкта, который и отличает личность от особи, а мораль как раз-то придумана, чтобы личность насильственно подавить».

«Мораль существует для интеграции личности в общество. Без строгой морали общество рушится, наступает хаос, и когда это случается, личность исчезает как таковая, а на первый план выходит особь, животный инстинкт».

«Так не эта ли катастрофа произошла с нашим обществом: от перестройки к распаду, от гласности к аморальности, от демократии к вседозволенности, от свободы предпринимательства к инфляции нравственных ценностей? И не эти ли обстоятельства определили судьбу нашего подсудимого?»

Тут я содрогнулся: меня судят? За что? В чем обвиняют? Какое имеет ко мне отношение это раздвоенное призрачное многословие?

Неожиданно грянул еще один голос. Он донесся оттуда, откуда я вышел, и куда с испугом смотрел. Там был яркий, слепящий свет.

«Прошу вас не отвлекаться! В составе преступления мы разбираем только два слова... Только два, действительно важных... Любовь... и Смерть».

Тот сон я помню. Не слово в слово, но его образ. В нем сконцентрировалась жизнь, остановившаяся в мертвой точке декабря. Минул январь, потек февраль. Не отпускало. Все время боль. Опустошенность и смертельная усталость.

Все мои мысли оставались скованными Адой. Которой больше нет. Я понимал, нас разлучила независимая от меня причина, рок. Но понимание не заглушало отвратительного чувства, что ее гибель все же как-то связана со мной. Я осознал простую вещь. Словно очнулся ото сна, в котором раньше жил, и вдруг раскрыл глаза. Очнулся потрясенный – той очевидностью, которая всегда присутствовала рядом, и на которую я обратил внимание так запоздало: нельзя шутить с любовью.

Мое существование превратилось тихий ад. Зима казалась навсегда. Холодный мир, покрытый снегом, виделся пустыней, где всякую возможность жизни уничтожил страшный

взрыв. Я был один. Энергия иссякла. Слезы так и не излились. Жизнь не хотелось, не отыскивалось смысла.

Лучше бы я умер.

Скорпионы обладают поразительной живучестью. Они способны выдержать самые экстремальные условия. Когда в пустыне Сахара проводилось испытание французской атомной бомбы, вблизи эпицентра с радиацией 134 000 рентген выжили одни скорпионы!

Для большинства скорпионов комфортная температура 20°-37°С. Критический верхний предел – около 40°С. У некоторых пустынных скорпионов летальный порог достигает 47°С при экспозиции 25 часов и относительной влажности всего 10%! При температуре ниже 10°С скорпионы впадают в спячку. Однако это не мешает им выживать даже при заморозках. Не исключено, что в процессе естественной эволюции они приспособятся жить и на севере.

Организм скорпиона почти не теряет воду. Поэтому скорпион практически никогда не пьет. Необходимую для него жидкость он получает из съеденной пищи, тщательно переваривая и высасывая из нее все соки. Питается скорпион только живой добычей. При этом обходится минимальным ее количеством. Потребив одного мотылька, он может «поститься» по 6–7 месяцев, а в отсутствие пищи способен голодать до двух лет!

Разгадка его аскетизма – в обмене веществ. 70% съеденной пищи идет на пополнение тканей тела. Для сравнения: человек усваивает всего 5%. Кроме того, надолго впадая в анабиоз, скорпион экономит энергию. Неудивительно, что живут скорпионы значительно дольше, чем любые насекомые, многие птицы и млекопитающие.

Природа одарила скорпиона такой жизнестойкостью, что его не так просто убить.

Опять я начал почитать книгу Лебовиса. Странное какое-то имя – Лебовис. Впрочем, не более странное, чем занятие, без громких слов ставшее делом всей моей жизни.

Я наконец-то приступил к диссертации. Она явилась для меня единственной зацепкой, формальным смыслом продолжать существовать, после того как смысл жизни был утрачен. Конечно, эта привнесенная искусственность не заменяла невозвратимой трепетной естественности, пульсирующей радости, которая и отличает жизнь подлинную от подделки. Не заменяла, но постепенно подменяла. Когда ты занимаешься искусственным, естественное теряет актуальность. Бледнеет радость, но одновременно меркнет скорбь; уходит эйфория, но тупеет, гложет боль. Я понял, что искусство – это бегство, попытка выжить, когда жизнь невыносима.

Я понял: настоящее искусство – преодоление мучительности естества.

Единственное, чего я недопонимал: о чем же, собственно говоря, моя диссертация? Являясь частью коллективного труда лаборатории, она была кирпичиком в непостижимой для меня стене. Зато я понял кое-что о практике писательства. Писать возможно только при условии, что не маячит женщина, что твои мысли ей не заняты, свободны для иного. Неудивительно, что в ту хмельную осень я не выдавил ни строчки. Прости, моя любовь, но правда жизни беспощадна, она не терпит сантиментов, но требует осознанности: чтобы у меня появился шанс стать ученым, ты должна была из моей жизни исчезнуть.

Однако я ошибся. Как выяснилось вскоре. Писать возможно и при женщине. Более того – для нее. Точнее, за нее. Еще точнее, взять на себя ее работу, поскольку так случилось, что она – твоя жена.

Бедняжка, да. Она существовала. Как ни прискорбно, я был не один. Безжизненное мое внутреннее одиночество отягощалось ее жизненным присутствием. Была весна, когда вдруг обнаружилось, что ее учеба в институте близится к концу. Еще немного, и придется защищать диплом. Ту самую дипломную работу, которую она писать, оказывается, не начинала. По ее версии, минувший год ей дался нелегко. И, между прочим, не без моего порочного содействия.

Я, в общем-то, не спорил, грешен, каюсь. Но при чем здесь... С какого перепугу... Нет, я не буду, даже не проси...

Она и не просила – требовала.

Раз я считаюсь мужем, должен ей помочь. Ей, видите ли, трудно. А мне так все равно, о чем писать. По ее мнению. Я, уж как мог, отнекивался, но на любое твердое простое «нет» обрушивался пресс ее как минимум тройного «да».

«ДА-ДА-НЕТ-ДА», именно так это и выглядело, в апреле месяце, в виде развешанной по городу рекламы. Шел референдум о доверии народа к власти. Народу власть подсказывала, как, не ломая голову, заполнить бюллетень, когда народ придет, чтоб проявить гражданскую ответственность, на пункты для голосования, где его ждут стандартные бумажки, и дабы не было мучительных раздумий – не проще ли отдаться воле тех, кто все равно у власти?

Мне наплевать было на всю эту политику, которая успела к тому времени набить оскомину. Лишь легкое подташнивание от примитивности манипуляций, от очевидности едва прикрытого коварства. Но еще больше угнетала невозможность, бессмысленность, недальновидность выпендрежа, упрямства, бутафорского геройства.

Я сдался: вместо собственной науки сел писать ее диплом.

Дипломная работа называлась лаконично – «Яды». Какой простор для мысли, для ассоциаций! Обыденная тема для фармацевтического факультета. Но что-то мне подсказывало: жена облюбовала тему неспроста.

Биолог, фармаколог – если не заикливаться, то и впрямь без разницы. Я поднял материалы, обработал, сел строчить. Писалось мне легко, ведь жизнь была достаточно отравлена, так что особенно выдумывать и не пришлось – лишь руку протяни.

Пока я этим занимался, отпочковывались мысли. Далекое от темы. Хотя, как знать, как знать... Сперва она отвадила меня от Ады. Теперь от диссертации. Последовательно завладевала мной, ликвидируя сторонний интерес. Для наших отношений у нее нашлись два действенных императива, фактически сводившиеся к одному: «мне надо» и «ты должен».

Моя любовь и мое творчество ей были любопытны лишь в том практическом аспекте, чтобы как-то ей служить. Я не вполне осознавал, к чему все это может привести, но сам процесс порабощения становился очевиден. И главное, сопротивляться невозможно, ведь я законный муж, и, стало быть, она имеет право.

Но разве это – не прямой путь в подкаблучники?

Я наливался раздражением, и мой прижатый бунт вливался в ее текст.

Жизнь продолжалась, удлиняясь в бесконечность. Мое трагическое несогласие в расчет не принималось. Мало того, жизнь навязала мне причину жить, и даже смысл, хотя я точно знал, что смысла нет.

Казалось бы: меня заставили заняться делом, не только мне чужим, но отвратительно ненужным. Однако написание злосчастного диплома, кстати – на «отлично», позволило убить весну и первый месяц лета. Неплохо для начала. Вот так и получилось, что абсурдная задача позволила отвлечься от мучительной рефлексии. Мне просто некогда стало задумываться о душе.

Спустя полгода после катастрофы я все еще был жив.

Но дальше – что?

Она не знала. Как и я. Моя Бедняжка. Закончив институт, торчала дома. Дни ползли без цели. Возникла затяжная пауза: мы одолели с ней рубеж, после которого открывалась перспектива, сияющая пустотой.

В один из августовских дней она произнесла:

– Не представляю, что нас ожидает.

– Работа, что ж еще.

– Я не об этом, я о нас с тобой.

Подумав, я трагически изрек:

– В жизни всего два периода: ожидание любви и ожидание смерти.

После озвученного настроения прошло несколько дней. Возможно, и недель. Время текло за пределами нашей жизни. Мы не поехали никуда отдыхать. Даже в город не выбирались. Разве что за продуктами. Ничего не хотелось. Вообще ничего. Каждый чувствовал: формально мы снова вместе, но между нами все уже не так, как когда-то. Мы практически не разговаривали, и не из враждебности, а по ненужности, непониманию, что мы можем друг другу сказать. Вечера напролет мы пролеживали в разных комнатах, каждый читая свое.

Она читала «Звезды судьбы». Я читал Маркеса – «Сто лет одиночества».

Внезапно она заорала:

– Есть! Есть третий период!

– Что?! – Я перепугался ее неожиданной «эврики».

– Ожидание ребенка!

– Не понял...

– Ребенок! Это же так естественно! Между любовью и смертью у нас должен родиться ребенок!

Самое страшное – парализация воли. Мне трудно понять, как у нее это получилось. Ее инициатива несла безусловность, то самое нечто, что сильнее меня, и чему я не в силах противиться. Словом, я покорился.

Той же ночью мы занялись продолжением рода. Я любил ее с безвольным отчаяньем. В этом было даже некоторое изощренное наслаждение: я теперь навеки ее, а она уж точно моя, мы обречены друг на друга. После всех катастроф, что между нами случились, после наших измен и особенно после смерти Ады, я ее избегал. Но постепенно она меня приручила. Я начал ее вспоминать и даже склоняться к идее, что, возможно, люблю. А что делать? Мы с ней муж и жена, надо жить как-то дальше. Но дальше-то что? Оказалось, ребенок. Не я первый, не я последний, законное утешение. Я только хочу сказать, это не было для меня потребностью, той естественностью, о которой она пыталась мне толковать. Инстинкт любви во мне не иссяк, это правда. Но утверждать, будто я жажду ребенка – ложь. Подсознательно я не хотел никакого ребенка, однако рассудок диктовал искусственную задачу: надо. Наверное, в жизни бывают такие мгновенья, точки судьбы, где правда и ложь сливаются воедино. Например, как в тот миг, когда двигая бедрами с нарастающим ускорением, со все большей яростью приближения к животному счастью, я вложил в последний звериный рывок – и застыл, и ослеп, и ушел в ощущение отсутствия, растворения во вселенной, где меня жадно всосала огненная дыра.

А может, это было ошибкой?

11

Осенью ушел с головой в работу.

Все было правильно: жена сидит дома, муж ходит в зоопарк. Я жил той же жизнью, что мои и знакомые, и коллеги.

Осенью 93-го мы работали под стрекот автоматных очередей.

Неприятные звуки доносились со стороны Белого дома. Его осада начинала входить в привычку. Вот опять какие-то драматические события, однако мне, как и большинству в зоопарке, было плевать. Обреченно и буднично мы продолжали ходить на работу по причине судьбы и необходимости трудовой деятельности. Мы являли собой презрение к вероятности быть убитыми. И не из геройства, а из неверия, будто можем на что-то влиять.

В зоопарке меж тем вершилась своя политика. Последние пару лет ситуация усложнялась. Некогда единое культурно-просветительное и природоохранное учреждение, зоопарк подвергся административной реорганизации. Попросту говоря, его растащили на «удельные княжества», и теперь в каждом «княжестве» имелись свои «князьки», каковые в соответствии с новейшей установкой на демократию пребывали в статусе хронических перевыборов.

К счастью, «Террариума» процесс пока не коснулся. В числе нескольких старорежимных подразделений он все еще оставался в централизованном подчинении. Сколько продлится затишье, никто не знал. На всякий случай, готовились к худшему.

Время от времени отец рассказывал страсти из бытия отщепенцев: то руководство «Слоновника» обвинили в нецелевом использовании бюджетных средств, то экспозиция «Ночная жизнь» оказалась крышей для темных делишек, то замзаву «Дома птиц» в итоге дебатов начистили клюв. Отец очень нервничал, продолжая руководить «Гадюшником», который и раньше-то не отличался лояльностью. Теперь же все чаще слышалось шипение недовольных. Чтобы держать руку на пульсе, отец постоянно ходил на митинги.

А вот Соломоныч митинги игнорировал. Наблюдать чужие баталии ему было неинтересно. Он ворчал, что все это он видел неоднократно, и каждому следует заниматься своим делом. Как-то раз я его спросил, в чем смысл нашей работы. Смысл работы ученого, сказал Соломоныч, открывать новые горизонты. Я усомнился, что у скорпионов могут быть какие-то горизонты. Мой научный руководитель не сомневался ничуть: «Ученые изыскания подобны решению кроссворда. Заполняя пустые клетки, мы постепенно ликвидируем белые пятна. Объектом исследований может быть все что угодно: в любом случае мы движемся в сторону истины. Колумб искал новый путь в Индию, а открыл Америку. Мендель растил горох, а вывел законы скрещивания. Никто наперед не знает, к чему он придет. Главное – двигаться. А открытия всегда случайны».

На счет открытий не знаю, но вот случайности подстерегали. В один из осенних дней Соломоныч работал на полигоне лаборатории. Занимался своим делом, гонял скорпионов по лабиринту.

Вдруг, пронзительно вскрикнув, схватился за ягодицу.

Как потом он рассказывал, в первый миг показалось – скорпион жажнул. Страшно перепугался. Застыл, изогнувшись, боясь шевельнуться. Скованно, очень медленно отвел руку от пораженного места, вглядываясь в причину.

На ладони лежала пуля.

Струхнул завлаб, как выяснилось, не на голом месте. Бояться было чего. В тот день я наконец-то узнал, чем на самом деле занимается лаборатория.

Когда Соломоныча ужалила «всего лишь пуля», он возился с так называемым «скорпионом-воином». Этим поэтическим именем называлась порода, выводимая нашей селекцией.

Породу отличала исключительная живучесть и такая же исключительная ядовитость. Параллельно создавалась и сыворотка, противоядие от воинственного жала. Но поскольку селекция – процесс непрерывный, и порода совершенствовалась постоянно, эффективность сыворотки всегда несколько отставала от достигнутой смертоносности. Соломоныч весьма рисковал.

Пока я наносил ему йодную сеточку, обрабатывая кровоподтек, он поведал мне страшную тайну. Оказывается, под прикрытием зоопарка мы выполняли секретный заказ оборонного ведомства.

Проект начался еще в эпоху «холодной войны». Как вариант, страна готовилась к худшему. Возникла идея вывести «человека будущего», который смог бы возродить цивилизацию, лежащую в пепле. В качестве бионосителя требовался организм, способный адаптироваться к самым экстремальным условиям. Выбрали скорпионов. Но в процессе работы, как это водится, «человек будущего» был отодвинут, и коллективу лаборатории поставлена задача попроще.

– Идеальный солдат!

– Воин, – поправил меня Соломоныч.

– И в чем отличие?

– Отличие в интеллекте. Солдат – тупое орудие чьих-то приказов. Воин – тот, кто следует своим индивидуальным путем.

– Так они ж разбегутся.

– Да, разбегутся, верно. И каждая из сторон будет вести к победе. Пойми, в современной войне нет линии фронта. Враг рассеян вокруг. Его следует обнаружить. Цель – поразить. Сверхзадача – выжить.

Йодная сеточка ветвилась подобно кроссворду. В середине багровел очаг поражения. Я оказывал раненому первую помощь, а тем временем мои мысли разбегались ассоциациями.

– Скорпион, – кричал раненый, – конечно, не человек. Муштровать ходить строем его бесполезно. Зато можно обучить наступать и жалить врага. Впрочем, и даже не это главное. Любая война – это истощение энергии обеих сторон. Выигрывает тот, кто продержится дольше. Поэтому воин – не тот, кто всегда побеждает. Но воин – непременно тот, кто никогда не сдается.

Я закончил художество. Завлаб натянул штаны. Мы вернулись к рутине каждодневной работы. Отныне и впредь наши будни тишайших биологов для меня озарились воинственным светом.

В конце дня, собираясь домой, я все же поинтересовался:

– А что насчет конвенции о запрещении биологического оружия?

– Ты действительно веришь, что конвенции заключаются, чтобы их соблюдать? – ухмыльнулся сквозь встречный вопрос Соломоныч.

– Получается, мы работаем на войну?

– Нет, не так. Мы работаем на науку. Наше дело – открытия, а уж дело обычных людей, к чему и как наши открытия применить.

Вскоре моей диссертации дали название: «Адаптивное поведение скорпиона в условиях мегаполиса средней полосы». Вполне мирное такое название. На мой вкус, чуть слишком витиеватое. В духе нашей науки, в которой хорошим тоном считается пудрить мозги. Однако работал я теперь с осознанием роли в проекте, несущем серьезную стратегическую перспективу. Все было правильно. Я стал настоящим ученым.

Но все чаще тревожил вопрос: неужели правда будет война?

Всякий раз, вернувшись домой, видел ее у телеэкрана.

Припоминается вечер, когда между нами опять начались неприятности. В тот вечер она смотрела «Поле чудес», развлекательную передачу, ровесницу новых времен, быстро завоевавшую народную популярность. Злоязыкие остряки, правда, к официальному названию той

передачи непременно добавляли «в стране дураков». Так или иначе, это было вполне безобидное шоу: в прямом эфире люди просто играли в слова.

Я застал кульминацию. Разбитной весельчак ведущий, уже тогда – с налетом усталости в грустных глазах, соблазнял суперигрой вышедшую в финал тетку, внешности дородной и манер незатейливых. Она могла взять уже заработанную бытовую технику и уйти. Но тетка рискнула, выбрала черный ящик.

К всеобщему восторгу в тот раз в ящике лежали ключи. На подиуме сверкал «жигуль» – шаха цвета «сафари».

Бедняжка заерзала, таращась в сияние экрана. На ее повлажневшем лбу вздулись тугие вены. Недавно у нее диагностировали беременность, и кто знает, как могли отразиться страсти телеболельщицы.

– Расслабься. В твоём положении вредно так волноваться.

– Для меня вреднее быть в отрыве от жизни.

– Это не жизнь. Это подмена жизни. Людей одурачивают.

– Одурачивают?! – разозлилась она. – Так поди выиграй, раз ты такой умный!

Ну дураком-то я себя, разумеется, не считал. По правде говоря, не встречал человека, который признал бы в себе дурака. Во всяком случае, я понимал: она скучает, ее нужно развлечь. На следующий день после работы поехал к родителям. Из маминой библиотеки я сделал выборку книг, которые, на мой взгляд, могли Бедняжку заинтересовать, заполнить ее пустоту, засеять ее семенами разумного, доброго, вечного, одухотворить ее мысль и ненавязчиво приобщить к культуре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.